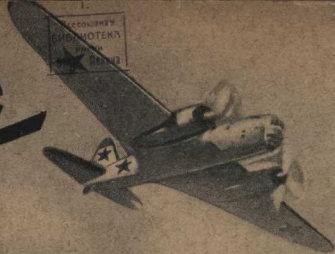

Смена

XX 101
— 1

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ФИЛИАЛ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«РАДИО»

10

ПО СИГНАЛУ «ХИМИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА»

Фотоочерк Н. СОЛОВЬЕВА

Знать современные средства противохимической защиты — долг каждого советского патриота. Сотни тысяч людей в городах и селах учатся защищаться от возможного химического нападения врага.

На этой странице мы показываем тренировочные занятия химического звена группы самозащиты дома № 32 по Большой Полевке в Москве. Жильцы этого дома готовы воспринять во всеоружия коварного врага, если он посмеет обрушить на город груз отравляющих веществ. На районных соревнованиях первичных организаций Осоавиахим химическое звено дома № 32 заняло первое место. В этом большая заслуга командира звена — комсомолец Клавдии Чувяевой — и молодежного актива дома: бойцов Лидии Мещеряковой, Клавдии Кожевниковой, Нины Бабкиной, Тамары Дванкиной и других.

„Раздался сигнал химической тревоги. Он не вызвал паники, суматохи. Обитатели зараженного участка» немедленно надели противогазы, старики и дети укрылись в газобезопасках. На улице и во дворе остались лишь бойцы химического звена — люди, одетые в противоязвенные костюмы, вооруженные особыми детектирующими приборами.

«Бомба» упала во двор... Боец химического звена тотчас же определяет границы зараженного участка и ставит знаки (первый снимок слева). Затем звено приступает к ликвидации

последствий «химического нападения». С помощью ручного опрыскивателя бойцы детатируют стены дома. Покояне на сваях ящики на колесах рассыпают на зараженной местности хлористую известь. На месте разрыва «бомбы» образовалась неглубокая воронка; боец звена засыпает ее песком, смешанным с хлорной известью. Чтоб проверить, достаточно ли хорошо проведено обезвреживание, боец берет пробу почвы (второй снимок справа).

Смена

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

№ 10 мая 1942 года

Год издания XIX, издательство "Права"

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 712. Телефон Д 3-34-24.

В НОМЕРЕ: *Передовая* — Фронт ждет искусных бойцов И. ГЛУМНИ-РАДЗЕ — Мужество рождается в борьбе. ЮРИЙ ГЕРМАН — Мейстера Назя Гречка (рассказ). П. АЛЕКСАНДРОВ — Самое коварное оружие. М. ЯС-НИКОВ — Военное дело школьников. А. КАЛИНИН, Б. ВАКУЛИН — Пова беглеца. С. БЕЛОВ — Торжественно об этом. БОБОВИ ТОВАРИЩИ (по страницам дендерской газеты «Смена»). Д. ЗАСЛАВСКИЙ — Агент врага. С. КРАСНОВА — На страже Москва. В. БЕЛЯЕВ — Страна, здиная кровью. А. ПУГАЧЕВСКИЙ — Учитель ходит! Евв. ДОЛМАГОВ-СКИЙ — Партизанские песни. На обложке: Бомбардировщики летят на запад. На обороте обложки: Знамяшка. Фото И. Олсуфьев.

XLIII-2071

ФРОНТ ЖДЕТ ИСКУСНЫХ БОЙЦОВ

Великий русский полководец Суворов гово-
рил: «Богатыри! Неприятель от вас дрожит; но
еще неприятель больше богатырей просит...
невозможна... От невозможной было
много было...»

«... Дело мастера боится. И крестьянин, когда
не умеет собою владеть, так и хлеб не ро-
дит. За урожае трех летучих дат... В
последнюю кампанию неприятель потерял
считанные селенцы пять тысяч, только что не
сто тысяч. Он изнемог и отчаянно дражал; а
мы в одной побойе тысячи не потеряли. Вот,
гражданин, военное обучение...»

Идет война. Страшная, невыносимая война
прогресса и человечности с черным варварством.
Война охватила все, даже самые отдаленные
горные долины земного шара. Но главный фронт
разражается битва — комсомольско-партийный
фронт. Здесь самая острая и злобная вражда.

Вот уже больше года наша страна выносит
основную тяжесть войны с немецкими захватчи-
ками. Враг помес до это время, конечно, огро-
зные потери: миллионы убитых и раненых,
десятки тысяч уничтоженных самолетов, тан-
ков, орудий. Но он еще силен, он еще еще
продолжает стремиться вперед, он еще еще
лелекает сумасбродную мысль о покорении на-
шей родины.

Мы должны победить врага, и мы должны
это сделать! Наша уверенность в победе — не
пустое бахвальство. Она основана на точном
уме сил, которые борются против гитлеризма
и которые имеют все возможности окончательно
и навсегда уничтожить потворяющую куку.
Теперь все дело за тем, чтобы возможности,
которые у нас есть, превратить в действитель-
ность. Это делают наши советские люди, и они
доставят свое правое дело до конца.

Современная война — это война техники и
силы в тесном сочетании с личной храбро-
стью, мужеством и отвагой. И если великий
наш предок Суворов говорил: «За урожае
трех летучих дат...», — это верно, вполне
верно сейчас.

«... задняя Красной Армии, ее бойцов, ее пи-
дематчиков, ее артиллеристов, ее минометчи-
ков, ее танкистов, ее летчиков и кавалерис-
тов», — говорит в своем героическом призва-
нии товарищ Сталин, — состоит в том, чтобы
уничтожить военному делу, учиться выносливо,
изучить в совершенстве свое оружие, стать
мастерами своего дела и научиться, таким об-
разом, бить врага наверняка. Только так мож-
но изнурить и полностью победить врага».

На протяжении всей своей истории комсомол
был лучшим и первым помощником нашей
большевистской партии. Еще в те годы, когда
володар Советская республика только рожа
далась в огне гражданской войны, в боях с
востражными интервентами, члены нашего Со-
юза делом к плечу с своими отцами и стар-
шими братьями с оружием в руках добывали

рошнее свободу и независимость. Тысячи луч-
ших наших сынов и дочерей скопили тогда
свои жизни за великое дело революции. Их
имена не забыл народ. Он изврал их имена
высшей боевой наградой — орденом Красного
знамени.

Сейчас наша страна снова в смертельной
опасности. Родина снова позвала сынов и до-
черей своих за ратное поле. И наши смелые
товарищи, комсомольцы, в которых народ
видит лучших представителей своего молодого
поколения, показывают новые примеры беза-
ветной преданности отечеству. Они не жа-
луют ничего, даже самого дорогого, что есть у
них, — жизнь свою — ради победы над врагом.

Сотни тысяч членов нашего Союза срываются
на фронт. Сотни тысяч наших товарищей в
тылу уходят воевому делу. На военную
работу уходят Воевоцкая, и комсомольско-
молодежные специальные формирования го-
товятся они идти на поля сражений военни-
ми специалистами, широким, хорошо знающими
спилорическое и вулметное дело, автоматами,
минометчиками, истребителями танков. Однако
не везде обучение будущих молодых бойцов
воинским специальностям поставлено одинако-
во хорошо. И тревогой за организацию этого
важнейшего для нас сейчас дела должны
быть полны все и руководители первых
комсомольских комитетов и секретари област-
ных и центральных комитетов ЛКСМ на-
циональных республик.

Кем же прежде всего должен уметь быть
каждый молодой боец, если родина позвет
его на фронт?

Хорошо знающим свое дело, отдаленным в
мужественным потехотам.

В прежние времена секоту называли «парче-
ди сражений». Название это летовой вполне
оправдано. Пехота и в современной войне — ос-
новная род войск, а все остальные только
помогает ей. Этому учит нас война, которую
мы воем против немецких захватчиков. Этому
учат нас битвы в Африке и на островах Ти-
хого океана.

Все сказанное не значит, конечно, что не
бывает случаев, которые являются исключени-
ем из общего правила. Также исключением
будет, например, что ту или иную тер-
риторию захватывают отряды партизанство
или прорывались а тыл таких противника. Но
следует твердо запомнить замечание: они не
могут. И тут нужно, чтобы заранее подоспела
пехота. Только тогда будет решен успех опе-
рации.

Знают, миллионы стрелков-пехотинцев и
любят на себе главную тяжесть войны, и
решают ее выход. Они, миллионы стрелков-
пехотинцев, основа жизни. Это было верно
тогда, это верно и теперь.

Пехота есть и в другом смысле — главный
род войск; искусство стрельба — основное воен-

ное искусство. Вель боец-пехотинец должен
уметь и маскироваться, и оплываться, и
ориентироваться на карте. Он должен быть
наблюдательным и иметь хороший глазомер.
Он должен уметь отчаянно стрелять из
винтовки, а если потребуется, и из автомата,
и пулемета; должен уметь истребить вражеские
танки и бить по самолетам противника. Но все
это требуется не от артиллериста, и от летчика,
и от кавалериста. Уметь: хороший боец-пехотинец
должен суметь стать, если понадобится, и
бойцом специальных войсковых частей.

Учиться, же, товарищи комсомольцы, быть
отличными пехотинцами!

Конечно, война никому учит! Конечно, да-
же безумный юнец, прошедший через испытания
боевой стрельбы, становится, если горит, пред-
лым, опытным мужиком. Это все так. Но мы
наших будущих бойцов к типотам подобной
жизни должны готовить не по тому, как они
получат на фронт и лицом к лицу встретятся
с объектом. Об этом коротко рассказали в
записках старшего батальонного командира
Н. Гауримарца и его товарища воюема «Смена».
Это значит, что все знания на воюема-учебных
пунктах Воевоцкая и в комсомольско-молодеж-
ных подразделениях должны быть как можно
больше приближены к обстановке, в которой
окажутся молодые бойцы на фронте. И содер-
жательно, это понимают еще не все командиры-
инструкторы, которым дается военное обра-
зование нашей молодежи. Они должны это
понять! Это обязаны все время помнить и руко-
водители комсомольских организаций.

Боец должен уметь плавать в одежде и с
винтовкой в руке, да еще и изменить
винтовку. Боец должен уметь быстро и не-
замечто переползать по земле. Боец должен
уметь переплывать через выборы, перепрыгивать
через канавы, перебираться по бревну,
если не окажется места, и, наконец, бегать,
много и хорошо бегать и ходить (об этом се-
годня в «Смене» пишет членом СССР А. Пу-
гачевский).

Для чего все это должен уметь боец? Для
того чтобы не раздумывая и не растеряться
на войне, если встретится на его пути пре-
грады.

Учиться, комсомольцы, военному искусству!
Учиться настойчиво и серьезно, изо дня в день,
не жалея для этого своих сил и своей энер-
гии. Помните слова Суворова: «Войскот не чис-
лом, а умением... Такую в ученье — дело в
бою».

Партия вырастила и воспитала нас, комсо-
мольцев. Партия, народ, фронт ждет от вас
тысячи новых, молодых бойцов, храбрых и от-
важных, умелых, выносливых, самоотверженных,
беззаветно любящих свою родину-мать. С та-
кими воинами мы разьемся проклятыми немец-
кими захватчиками и вновь воздвигнем наше сла-
вное красное знамя во крепости захваченных го-
родов и селок.

Бойцы идут в атаку. Со штыками наперевес ринулись они на врага, засевшего в населенном пункте М. (Западный фронт).

МУЖЕСТВО РОЖДАЕТСЯ В БОРЬБЕ

Записки старшего батальонного комиссара
Н. ГЛУМИРАДЗЕ

Сегодня знаменательная дата — одиннадцать месяцев войны. В моей жизни это первая война. Я, как и многие мои сверстники, не представлял себе войны такой, какой она оказалась в действительности.

Что мы знали о войне? Воображение рисовало нам величаво на замысловатых конях. Выешут стальные клинки. Горнисты трубят атаку. Война набегает на войну. Звон мечей... Нет! Настоящая, современная война выглядит совсем не так. Война сурова, и нужно много мужества, чтобы пройти через все испытания боевой страды. Враг жестокий, и нужно закалить свое сердце в огне опасности, чтобы предрать смерть во имя победы.

Самый ответственный момент войны — первый бой. Его оканчиваешь с нетерпением и страхом. Да, со страхом! Нечего бояться произносить вслух это слово. Мы ведь говорим: «Предрать, смерть можно научиться в горячих и упорных боях. Мужество и бесстрашие — это тоже не врожденные, а приобретенные качества. Николай Островский, который души многих других знал, что такое мужество, говорил с трибуны IX съезда комсомола Украины: «Мужество рождается в борьбе. Мужество воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям. И деиз нашей молодежи — это мужество, это упорство, это настойчивость, это преодоление всех препятствий».

Но как молодому воину мужественно пройти испытания первого боя, тех недолгих часов, когда над его голозой впервые проносится рои пули, разорвутся снаряды, завизжат вражеские самолеты?

Вот он, замурованный в дitches, чтобы не видеть дымные разрывы, все сильнее прижимается к земле. Это Приходько. Он первый раз в бою. Вперед и видел его у блиндажа. Веселый, озорной, он пел песни, веселил народ. Он был убежден, что «вражий сон» —пустое. Эту фразу, которую он слышал от бывалых бойцов, Приходько часто повторял. Он искренно верил в свою храбрость. И вот, воли ж, только затрещало, а он точно струза уже спешит спрятать голову под крыло.

Персоналия Приходько в эти минуты крайние слоизны. Их с большой искренностью передает поэт К. Симонов:

«...Кавалюк, чтобы отогнаться.

Путь малю — надо для крыла.

Кавалюк, если дель остаться —

Земля бы крепостью была.

Пусть снег метет, пусть ветер гонит,

Пустьай лежат здесь много дней!

Земля! — на ней никто не тронет!

Лишь крепче прижматься к ней...»

«Трус!» — скажут презрительно некоторые о таком бойце. Но я бы сказал, что это несколько поспешный и не совсем правый выезд. Этих слов презрения не произнес лежавший рядом с Приходько младший политрук Федоровский. Он стремительно поднялся, когда встала на ноги рота, готовый идти на врага. Федоровский точно не замечал ошанного смерча, бушевавшего вокруг него. Наклонившись к Приходько, он сниской похлопал его по плечу. Приходько все еще не решился поднять голову. Он только повернул ее назад, пропыхав носом глубокою борозду в песке.

— Встанай! — кричал политрук. Приходько привстал,с. Неловко и с опаской последовал он за Федоровским. Шел и удивлялся ветровиной поволоке младшего политрука. Он даже не заметил, что сам уже копырует его. Правда, Федоровский не пригибал: высоко подним голову, он легко нес винтовку, взятую наперевес. А Приходько кланялся и каждой вражеской мине и своему снраду. Голозу он втянул в плечи, винтовка казалась ему неестественным грузом.

Приходько предстояли серьезные испытания. Но можно было не сомневаться: он их переживет. Он подант в себе страх; он, как говорит фронтовики, «пообывает», понахает порохового дыма и станет отравленным коном, с бесстрашным сердцем. Он пройдет со своим взводом по пыльным дорогам, проселочным тропам, безбрежной снежной целине — по всему трудному и тяжелому тракту войны. Липо Приходько обветрится, шерсть заваляется. А в его большом сердце, а котором так много добра и любви к близким, к друзьям, к своей семье, созреет жгучая ненависть к врагу. Он станет алей! И тогда никакая сила не устоит под его дулом.

А посл Приходько при каждом выстреле все еще пригибался, шаркался а сторону, Федоровский принял над ним незаметное шефство. Он воздел его с собой а разведку, брал а задулу. В часы отады Федоровский давал Приходько чашку горячей острады, в котором, пусть скупо, записались позваия бойцов. Так он узнал историю своей части, ее трудный, полный испытаний боевой путь.

Однажды Приходько прочел а журнале запись о подвиге тринадцати бойцов роты товарища Козьмолыча, которые отогнали атаку фашистских танков. Все герои погибли, но не дали врагу проникнуть а зону нашей обороны. Боец Казымбетов, избранный, полуживой, с

двумя минами в руках бросился под гусеницы танка.

Приходько было потрясен. Он долго беседовал с Федоровским.

Умирают, а боль немал! —воронка ой-Сказки, товарищ младший политрук; а той роте все бойцы — такие бесстрашные люди!

Прошло еще два дня. Приходько специальным приказом был переведен а роту Козьмолыча. Прошавсь с Федоровским, он сказал:

— Постараюсь не пострадать ни в чем, ни с вами, товарищ младший политрук. Только вот не знаю, что с собой делать: огня опаснее...

Приходько «брав себя в руки». Он так же как и вы, ходил а атаку. Он делал то, что делали вы, но получалось у него все как бы автоматически, будто он делал это отупевшим полусознательно. Он страдал, но не плакал. Он как автомат делал то, что делали бойцы. Но азврта боевой сватки он не ощущал, как вы чувствовали а всеюла боя.

— Все бы ничего, — жаловался Приходько, — да вот огня бокси! Бата у меня сторел, с тел пор я и сторовалс огня...

Политрук Кимель получил старшине Карповскому и сержанту Добровольскому брать с собой Приходько а разведку, приугнет его не бояться огня противника. Они терпеливо тренировали красноречивца: посылала его а головной дозор, а сами шли следом, чтобы он не растерялся в случае, если встретится врагом. Они учили его ползком добираться до определенного рубежа и тоже ползти с ним, чтобы он убоялся: ничего страшного нет, если действуешь быстро и умело.

— Ну как Приходько? — спрашивал политрук у старшине Карповского.

Старшина вынимал засаленную книжечку. В ней он вел засаленную «одиную бухгалтерию записки бойцов. В первой графе записывал фамилию новиков, во второй — приобызания, а третьей — выдержавших испытание, а четвертой — бывалых воинов.

— Так что, товарищ политрук, боец Приходько перешел во вторую графу? не боялся, во все же опаснее...»

***

Наше подразделение авшало высоту К. У переднего края обороны были восемь бойцов. Пятый час они отградили атаку врага.

Во втором ряду оковом лежали старшине Карповский и Приходько. Одров старшина поднялся и прислушался.

— Приходько, — сказал он, — я тут один побуду, а ты возьми несколько шпиков а стави

их за передний край. Слышшь, ребята без парашюта остаются.

— На передний край?— решительно пере-спрашивает Приходько.— Огнь таместь...

— А если бы ты был не воем?— старшина внимательно смотрит на бойца.

Не знаю, что произошло с Приходько. Ни слова не говоря, он схватил несколько шиней и под вражеским огнем быстро направился к лесу. Когда Приходько возвратился, старшина не сказал ему ни слова. Только ночью, укладываясь спать в землянке, он пробурчал:

— Тебя, Приходько, видно, пора в третий разряд переправлять...

Шли дни. Приходько уже привык спать под грохот снарядов, шутил во время перестрелки.

Вдруг выскочил из шоссе в к минированному нами мосту. Наше стрелковое подразделение отходило по этому мосту на новый рубеж. Надо было удержать мост до окончания переправы.

Война жестоко оборачивалась не ружейной, а пушечной огнем не слышал их. Тогда немцы открыли по мосту артиллерийский и минометный огонь. Загорелся деревянный настил. Бойцы бросались гасить пламя. Но было уже поздно: они не сумели сдержать его. Огонь все больше разгорался и пылал. Еще немного — и все валится на воздух.

Внезапно из отряда прикрытия выскочил Приходько и стремительно бросился в огонь... Снаряды казались ему совсем близко. Он не возвращался. И когда мы потеряли уже надежду, из бумажного мешка появился Приходько. Опаленный, он подбежал ко мне и впротылку выдернул мне шпала.

— Теперь и гасить можно,— сказал он спрыгнув и пополз к своему подразделению.

Много воды утекло с тех пор! Приходько принимал участие в бесчисленных маршах, десятки раз ходил в атаку. Он забыл уже о своем бывшем строе. Искра ему кажется, что он может все изменить. Только так же, как в первые дни войны он говорил: «У нас в колхозе...» — теперь он говорит: «У нас в полку». Здесь, на войне, Приходько вышел вперед по своему делу. Здесь он нашел и самого себя — уверенность, суровое, мужественное лицо.

Вот он сидит в землянке, принимает пушечный и шипящий и сплюснутый молодой бойца.

— Ты не пугайся! Огня лучше меня никто не боится. Сморюк бы, когда бата в огне сгорел, а все с тех пор трусил. Ты думаешь, у меня раньше не было страха, когда в бой шел? Был! А теперь... иду прямо так. Понимаешь?...

Долго поучает Приходько новенька. Я слушаю и не думаю: «Что же изменило характер и повадки этого человека? Какой вывод надо сделать из его более чем полугодовой поучительной жизни в окопах?»

Первый вывод — новичок в бою не должен оказаться одиозным. Это не значит, что к себе не обстреливают бойцу нужно представлять опасность. Нет! Рядом с ним должен быть опытный боец, как младший лейтенант Федоровский, каким теперь сам является Приходько. В нужный момент этот товарищ по оружию найдет теплые слова, ободрит, ведь он сам пережил все эти «страсти-модальности».

Второй вывод: не следует спешить с оценкой личных качеств новичков. Надо помнить, что боестремление может быть каждый шаг воин. Надо только помочь ему, как Приходько, найти самого себя, научиться владеть собой.

Лишь пройдя суровую и тяжелую школу окопных страданий, Приходько нашел слова, поговорки, что является самым важным в бою:

— Самое важное — не трусить. Будешь кланяться каждой ноге, путья под каждым снарядом — провалишься.

Третий вывод — нужно тренировать новых бойцов. Тренировка научит их не бояться опасности, не бежать от нее. Особенно полезно запомнить это командирам, которые заняты сейчас подготовкой новых резервов.

Недалюю за привале я встретил младшего сержанта Коромыслинского. Он, лихо заломив левую руку в грудь, бастрам шлопотом вел заступки. Руки его дрыгались так, точно он растапливал меха нещадной тухляки.

А ведь не так давно Коромыслинский был, как у нас говорят, «человек сомнительный». Командир, стоило только заговорить вражескому стрелкуну над нашей толпой, как у Коромыслинского переставали действовать руки и ноги; он даже бежать не мог. Командир убрал глаза потеребав, чтобы Коромыслинский убрался из подразделения.

— Паривана омаь весь строй поргит,— жаловался он.

А командир части, поговорила с Коромыслинским и осмотрев его оружие, которое являлся слабым, содержалось в образцовом порядке, сказал:

— Ничего, обавекте. Ему «школа» нужна. Пусть идет к «школе».

Зорьку у нас занимал лейтенант Шумилов, командир артиллерийского батальона. И вот Коромыслинского, который былое всего боялся аниобид, поставили лицом к лицу с вражеской авиацией. И что же? Вскоре он показал, что это шлопотен.

Призвали это так. В полудне шел бой. Три шипящих самолета отражали нападению вражеской смерки. Салы были иреразные. Уже загорелся один иреразвешный самолет, и командир вылетел он на землю. Коромыслинский, который внимательно следил за боем, бросился к месту катастрофы. Он благополучно вынес раненого летчика.

— Снеши, браток,— проинтелл раненый,— там еще двое... Там бомбы, патроны...

Коромыслинский не задумываясь, сполз погребался к горниной машине. В самолете уже рывались патроны. И только он успел вынести стрелку и штурмана, как раздался оглушительный взрыв.

Эту историю рассказал бывший фронтовой молодым бойцам, которые завтра готовились вступить в первое сражение. Они слушали молчаливо, протирывая рты. Только один из них проинтелл:

— Как же это он сумел?

Вызвали посмотрел на бойца и усмехнулся: — Жить он любил, как и мы. Радовался солнышку тоже умеи. Веселый парень. Только он уже был обстреленный. Полнито? Мы, когда в бой идем, о жизни не думаем. И о смерти тоже... Делаем то, что приказает командир!

И это правильно. Для обстреленного бойца лозонднейший. Он на все готов. В любой обстановке он выполняет свой долг. А новичок — он еще не умеет как следует управлять своими инстинктами,— как говорят, держать себя в руках. Закаленный в боях воин пойдет без мысли о смерти на самое

раскапанная беда. Им владеет только одна мысль — выполнить приказ. Шестой вывод? Ну что ж, если так вышло, если вот другого выходя, то ценой жизни. Поэтому такие люди реже гибнут.

Я часто вспоминаю слова героя гражданской войны Пархоменко. Он сказал бойцам уже: «Больше всего, товарищи, мы должны учиться трусости. Все забудется: голод, холод, нужда, справедлив, а вот трусости народ никогда не забудет».

Молодой боец должен знать боевую историю своей части, ее традиции. Новичку надо рассказать и то, что командует его дивизия, полком, ротой, взводом. Он должен знать, что это опытные, заслуженные командиры, не раз уже бывшие в боях. Беседы с опытными бойцами укрепляют их дисциплину.

Я знаю солдат, когда именно авторитет командира предостерегает панику среди новычков, решал успех боя.

Как-то случившись, что на правом фланге одного из подразделений оказалось много новычков. Бой был горячий. Превосходящие силы противника беспрестанно атаковали подразделение... Враг начал уже обходить наше подразделение с правого фланга. Надо было любым способом продернуться до прибытия бойцов — Костыляк — крикнул: «Наас окружати!»

Мгновенье — и прозвонил бой катастрофы. Вовсего этот мог оказаться отскоком, который бросили в беду с порохом.

Но паники не произошло. Другой молодой боец громко сказал: «Слааскому выдеш...» И все!

Бойца анализ, кто такой Слесный. Они только вчера слушали, что рассказывали бывалые фронтовики об отаге этого командира, который не раз выволакивал своих бойцов из самых затруднительных положений. Слесный переместил бойцов, установил на правом фланге пулемет. Ливнем огня встретил на наступающие цепи врага. И подразделение продернулось, пока не пришла паника.

Подготовка бойца к первому бою — большое и важное дело. Об этом постоянно должны помнить руководители комсомольских организаций. Я так говорю потому, что считаю комсомол арсеналом, который дает волевым, отважным воинам, составляющим наш боевой арьер, шаг за шагом фронту.

Конечно, люди во фронту закаляются в горячих буднях сражений. По-разному воспринимают они и радости и «жестокости» войны. Но совершенно ясно одно: искра готовности к героическим делам, стремление быть бесстрашным в бою заложены в каждом советском человеке. Надо только терпеливо и умело раздувать эту искру в пламя. И делать это нужно не только на передовых позициях, когда вояки моимками зовут вражеские ании, а еще задолго до этого, в глубоком тылу, на занятиях Всевобойна.

«Так требует война» — надо истинно повторять будущим бойцам, которые еще не совсем ясно представляют себе, для чего, например, пешехотник обязан знать основы топографии и деуриды в бою — умение довести все планы до сведения на эту тему.

«Так учил война!» Так требует война! — вот что должно проходить красной нитью в каждой беседе, которую проводит политработник Всевобойна. Безостановительно тема этой беседы, дошла, занятия.

Не превращайтесь, но и не преуменьшайте значение тактико-фронтовой жизни! Не зарекайтесь панику, но и не замалчивайте опасность, которая бойцу будет грозить. Тогда, если задолго до того, как кто поведет в атаку, будущий воин примет не только в уме, но и в душе единственно возможное решение: «Двух смертей не быть! — одной не минуать!» И, уж если встретится с ней смертью, он примет ее так, чтобы восстановлена жизнь, победа!

Автоматчики подразделения лейтенанта Петрова окапываются под вражеским огнем.

МЕДЕСТРА НАДЯ ГРЕЧУХА

(Из дневника техника-интенданта 2-го ранга М. Ляхониной)

Юрий GERMAN

Рисунки Б. Шатлов

На моей койке спит девочка по имени Надя. Но фамилия Гречуха. Рядом, из соседней койки, слышит мой полудра Валд и иногда мне писать: непрерывно делится со мной впечатлениями сегодняшнего утра. Но я больше не забываю: пишу. Боюсь, не запишу—забуду, а забывать такое вещь не хочется.

На наш аэродром теперь привозят иногда раненых. С фронта их доставляют на машинах или на легких самолетах, тут, у нас, воиархат Салтыков в специальном барнае делает раненым перевязки, корнет их, поит, иногда оперирует и почти ежедневно отправляет в глубокий тыл на транспортных санитарных самолетах. Пилотируют эти самолеты заслуженные, опытные летчики-северные. Разумеется, санитарные самолеты вооружены, у них на вооружении, как сказал бы мне начальник капитан Абромов, красивые кресты—и ничего больше.

Сегодня рано утром к нам пришла такая машина брать на борту раненых. Я была неподающе и все вышло. Бидека, как тяжело раненых на посадку поднимали по лестнице, а самолет, выходя, как командовал поручик-братодит Салтыков, и я видела в кабине сестру в тяжелой куртке, в сапогах, а пилота. Ну, сестра и сестры, мало ли их летает в санитарных самолетах!

Потом наделись боевые самолеты: где-то в районе М. прорвались «Ил-2»-сы, наши летчики уходили в воздух, возвращались, опять уходили, и я совсем забыла про санитарный самолет и про маленькую сестру в сапогах и в куртке. Потом вижу, санитарного самолета нет, увидя, а капитан Абромов ходит сердитый и подглядывает в небо. Так прошло часа четыре.

Наши все возвращались, спорят о чем-то в машине, все как будто нормально, а в воздухе чувствуется беспокойство: кто выдала команду к дальной части во время войны, тот знает это смутное состояние томления, точно перед грозой,—нехорошо. И даже вполне спокойный Абромов явно нервничает. Наконец, я узнала, а чем дело: пропала санитарная машина. От нее вышла, а в назначенный пункт не пришла. Нету. А сроки все прошли. Наши летчики уходят в воздух искать и возвращаются без всяких результатов. Тут узнаю я еще одну подробность, совсем уже невероятную: в районе сошки Головатой был заменен «Мессerschmitt», за ним отключился, но он удрал. В общем нет санитарной машины.

Примерно часов в четырнадцать садится на воде лейтенант Кищенко. Выходит из машины и докладывает капитану.

— Так в так-так-так и так-то обвирнулся самолет, плоскость обложена, лежит в скалах, дымится, воле самолета есть люди, большая часть лежит, один человек ходит. Самолет санитарный, по всей вероятности, погибнет...

Капитан Абромов предостерегает мне тоже ехать к месту аварии. Я поехала в кузов, со мной Салтыков, а шивела, медсестра, послышал бросили сумки с медикаментами, санитар еще ввернулся и, махнув, Кищенко.

Никогда в жизни не видела в такой сумрачной гонимой да еще по такой дороге, вернее без всякой дороги—по камням, по гати, по болоту. Капитан Абромов сам сидел за рулем. Нам так бросало в кузове, что я порою не могла обнаружить, где мой руль, где ноги, где голова; бешеный ветер, слова нет и рвет серое, холодное, пенится северное море, справа огромные лисые, мрачные сопки... Не знаю, сколько мы ехали—час или больше. Кищенко все время сидел на борту грузопика точно валил, глаза светлые, ступенчатые, пугающие, и тут и замелькала в глазах у него, в этих бледно-голубоватых зрачках, выражение утаси.

Наконец мы приехали. Грузопик остановился: дальше пути не было. Надо идти пешком.

Взвали носилки, сумки, отпрянулись. Летать через скалы, решуку перешли, вымокли, оляги в скалы и вышли у самого самолета.

Никогда я не забуду этого зрелища!

Уж темнеть начало, ветер свистит, холодно, подбодра oneself, тути полудра, а волее наша ночь, на камнях, лежат раненые. Лежат аккуратно, уложены рядом, много—их всего было тридцать пять человек—и все какие-то прибранные, лежат так, как будто им рогаются тут лежать, как будто здесь госпиталь или перевязочный пункт. Вот мы идем между этими ранеными и не сразу понимаем, что много; из них мертвые, треть примерно мертвцов, и пишут тоже мертвый лежат навозчик, и глаза у него закрыты.

Пилот—уже походил человек, седые усы у него подрастали, лицо сухое, сплоское. Самолет еще горит, дым от него ползет, а неподалеку стоит маленькая медсестра в сапогах и в куртке. У нее все лицо в весушках, в отряхивании, она, покуда была, отряхивала, покуда смертельно бледная. Бледное лицо, по которому медленно сползает жемчужка пота, и совершенно детские, широко открытые глаза, круглые, крупные,—никогда мне этого не забыть. Не забыть, как вдруг доходит она к воиархату Салтыкову, как немело комкает ему своей детской рукой и распорудет, салзка завянула, что она, медсестра Гречуха, находилась в самолете, когда фашистский стертяник—он так и сказал: фашистский стертяник—вымырнул из-за сопки и дал очередь по санитарному самолету.

Позже, но уже не от сестры Гречуха, а от полудра пилота мы узнали, что было дальше.

Пилот повел машину на посадку. Но как можно было сесть в эти места? Тем не менее он, смертельно раненый, машину посадил правее, вложив плоскость. В это мгновение самолет запылил войско. Второй пилот и бортмеханик отворили аварийный люк и вместе с радистом принахились сбивать пламя. Здесь выяснилось, что у бортмеханика сломана нога, и он вылезал на струю. Самолет горел. Радист в второй пилот увидел Надю, которая через аварийный люк выносила раненых из машины. Она не могла ей помочь: надо было сдерживать огонь бунтарьшайго пламени. И они тут же делал. А Надя Гречуха встала и пошла на плачет, на себе, тяжелых коммандиров и красноречивее—носила одного за другим, носила, стибаясь под страшный, непосильный, невозможный для ее слабенького тела тяжестью, плакала, аставляла и вновь зашла и горевший самолет и вновь вытаскивала оттуда людей, задымляхшихся от чада, дыма, пламени, отталкивая подальше от самолета, на такое расстояние, чтобы взрыв боеприпасов не мог повредить, и она шла.

— Мало всего этого!—говорил нам второй пилот.—Вы слушайте меня, слушайте, что

скажу, и запомните! Она нас подбавляла, эта девочка, эта пуговица, она нам кричала: «Еще невозможно, еще чуть-чуть продеритесь, совсем уже мало осталось, пустите: двое из троих!» Там оставалось больше, она знала, что больше, но она нас утешала, чтобы нам легче было. И она все сказала, все, только один мертвый, так остался. Вот тогда и разинула. А потом она меня тащила. Когда меня акорнул бензином и когда я загорелся, она меня стала шивнело закрывать, и сбила на мне огонь, и в сторону меня, и сторону...

Он говорил долго, никак не мог остановиться, говорил, и когда мы его несли в войтом, в машину, в все не мог отказать настоящих, достоянных слов: уже хвалюсь, что не умираю не оценивает, не понимает, не обращает внимания на его слова. А врач Салтыков пожимал, его большое заросшее волосами лицо морщилось, он держал пилота за руку и говорил ему:

— Хорошо, хорошо, как так не запомнил! Давайте, пилот, помогите. Не надо нам болтать. Молчать надо.

...Сестра Надя пришла к нам в каюту. Вошла и сказала:

— Зарастеути!

Подумала и прибавила:

— Доброго вечера! Как у вас тут корочка! Села на корточках у «бурной», протянула к олу маленьким озабше руки и немозжком нарарепе заговорила:

— И пенка топилась!.. Вы уже извините меня, покажуется, что я и до вас пришла, но только воиархат второго ранга товариш Салтыков мне еривалась, чтобы я сюда до вас шла, и боялся о мною сказать, чтобы указать мне, где техника-интенданта второго ранга товариш Ляхонина проживает. Вы уже извините, я вам мешать не буду, я тут таквовко лягу, возле пеньки, и поспать, а завтра раненых, до свята, улду...

И она вдруг зевнула, как зевают дети, не договорив фразу, зевнула и показала нам ровные, острые, белые зубы.

Когда Надя отоспалась и встала, пришла и была в каюту Валд и мы все встали завтракали. Во время завтрака Надя рассказывала нам о себе.

...У нее большая семья. И трудно им было жить издалека. Надя, пошла работать в детскую клинику вничков. В начале войны она стала проситься на фронт, но ее не пустили.

— Другое девушкам все уходит,—говорил она,—уходит себе и уходит, полудра мой сколько уплю; и я все в детской больнице, все с маленькими—самые маленькие у нас в палатах, грустные крошечки, и я с ними занимаюсь. И тогда, я сюда—продвинула меня командир и ничего больше. Такие редкие начальники, такое слово: шуткижыки шутят, и никакже серьезного отношения я не вижу! Один разговор у них, что, дескать, и свой взраст срынуло, и так, на самом деле, я лично допытывался, а их вожуку в заблуждение. А начует паспорта говорит, что я его у своей машины одолжила и что мне еще выиграл. Так мне мелочью самой, девушкам, было, так высоко, сказать, невозможно! Но только я свое доказала через брата, он у меня механиком работает у нас в гражданской авиации. Ну и вылила меня на аэродром к мне двитаческой сестрой; это для пилотов и для всего летного состава есть двитаческая кухня—специально готовить надо...

Я там и заминалась: сутки протереть делала, наши разные, поре, котлеты паровые, кофе ненатуральный—желудочный. А на аэродром к вам все раненых привозит, все привозит! И как придет вышину, а сейчас на вас—встретит. Там машины, санитары, сестры, которые летают, и я помогаю. И так мне, девушке, охота до раненых работать, так охота—просто не уходила бы с разгрузки, да и в полет! И все меня оттуда гонят: «Ну что, Надежда, здесь толщеешь, кто тебя звал?»

Вот так и жила день за днем. Два раза накануне летачику в воздух меня брала, чтобы я облеталась. На вражке странно было, а так ничего, обыкновенно. А на воздухе нехорошо: все наоборот—с ума можно сойти.

Над засмеялась, вспоминая, и открыла рот рукой, и мы, глядя на нее, тоже засмеялись.

— Ну, а после Анаисева—наша сестра—имела, — продолжала Надя, — аноншируя и все сделало, знаете, воспоминание чрезвычайного отряда слевой кишки, и пришло Анаисеву с самолета выкинуть перед самым вылетом. Я к начальнику. Говорю: «Госварнич начальник, Павел Георгиевич, разрешите мне летать». Говорю: «Я за себя ручаюсь...» А сам просто трясся весь. А он на меня не смотрит а зовет по телефону.

Вызывает сестру на госпиталь, только на мое счастье, все телефоны заняты, и он трубку аешет, сердится и говорит: «Норт ван, морт ванет, морт ванет!» Тут диспетчер Митя: «Госварнич начальник, разрешите докладать: есть погода. Ляют захлоп, спрашивает: «Ну, как?» А я так тихококо: «Госварнич начальник, Павел Георгиевич...» Он так кричит: «Что вы мне тут на верхах кричите! Абсурд—ребовка послать! Грехуха—ребовка, завалию вам со всей ответственностью: она не может быть полноценной сестрой для полетов!»

У меня даже сердце заболело, верите ли, девушка. Вся кровь в голову ахнула. Что он меня оскорбил, думаю. Почему а испоконечная сестра? При чем здесь абсурд? И начала я говорить. Что говорю, — не помню. Но только право-право мне в глаза. Только, право, не выкалывать. А он аует: «Пашайте летите. Вы, говорит, Грехуха, нех, у вас диспетчерка все на высоте, но давайте летите. И будет этот полет для вас крупнейшим танком. Позволь! Давайте оденетесь—и в коуду. Жиню!»

Жиню—так живо. Машина уже ахрелелась была, а по лесенке влезла, села себе в кресло, сумка со мной, носочки есть, ашечка го-

же шветает, боек с водой—все хорошо, как подлагает. И так мне на сердце спокойно, лежу, так я довольна!.. Вот мы летим, в ухах у меня шедает: высоко шают забираться,—смотри и в окошко, песню пою. Я, если овал, всегда пою, а если кто есть, я стесняюсь, четное слово! Бог и прителит к вам. По дороге я еще покушала: сухари у меня были. Ну, здесь ваш воонич на меня посмотрел внимательно, спросил, сколько лет, потом головой покочал. Господи, думаю, когда это кончится, что они на меня головой качают? Привалил мы на борт раненых и ушла в воздух. Раненые мои ничего—не сидят, не стонут; а между нами кошу, тому голову Грехуха, тому попить дам. Тут он и вылетает...

Надя посмотрела на нас широко открытыми глазами и повторала:

— Налетел. Я его первая увидела, как он захлоп, и глазами своими увидела, как в нас его пули летели. Ой, девушка, страх какой! Дверь из рубки растворилась—оттуда мелькнуло: «Что,—кричит,—что?» А у меня капитан Ефимов уже убитый: в голову ему пуля попала,—а ефрейтор один, татарин, сед и кричит: «Боллола, что делашь? Давай мне винтовку, а стрелять его будешь!» И сразу дни пополь, а машина наша вырваться стала, и ошрило-рило—стрелит, и свавити его пролетает в вышину, как он захлоп вылету, а все он по моим раненым, по раненым...

Маленькие свои ладони Надя прижала к горлу и помозчала.

— А потом мы ударились,—с ужасом глядя на меня, продолжала она,—об камни. А спереди горело. И я стала их выносить. Дверь-то не отперлась: заклинило ее. Они мне снаружи аварийный лок выжогали, и лететь к нему приставили, а вздохнула, поэтому что впереди стена горела, а Сахаров на сломанной ноге—кто даже соорбинить, девушка, невозможно, как человек на сломанной ноге далагается! Вот а раненых вытаскиваю, а летчики пожар тушат, а там море шумит, ветер подлетит, и этот ажен над нами крутит делает: смотрит на свою работу—тихококо. Еще, наверное, хотел стрелять, да не вышел его номер: вуль, наверное, больше не было.

И вот, девушка, я вошу, а жинте болао-больно мне: подорвалась немного,—ношу и все считано, сколько вынесла и сколько осталось. Вышеку и опять считано: один, четыре, девять... Пальцем считано. А кто мертвый, а кто живой,—не могу соорбинить, только кошу и считано. Они такие, девушки, все тешелье, ну прямо-таки никак не вытаскивать. Один в особенности боет тут, а ноги раненый,—ну такой здоровенный мужчина,

прямо-таки огромнейшей ладонью, и все он меня просит: «Да бросьте вы меня, сестрица, к своим собачим, физически меня нельзя вынести». Далось ему это слово—«физически». А я его вынесла. Волжком, Волжком, потому я этак нахлобочилу провешивала, потому сама спрыгнула и вытаскала. И опять дождом. И считано: раз, два, пять, восемь... Считано, а в

Я медсестра Надя Грехуха.

гвазди работ, и пот так и льет—вся стала мокрая. Только пошла назад—вижу: второй полет загорелся. Сам прыгает, и сам весь горит. А ветер так и рвет, так и рвет...

Она опять замолчала, вспоминая последовательный ход событий, но так и не вспомнила, махнула рукой и сказала:

— Или потом самолет загорелся. Потом, наверное, потому что от взрыва загорелся, а когда взрыв сделался, тогда я уже всех вынесла, только одна а машина осталась—капитана убить...

Одного за аручки выносила раненых бойцов Надя.

Самое коварное оружие

П. АЛЕКСАНДРОВ

Рисунки Т. Чертовой

АТАКА ПОД ИПРОМ

Ранней весной 1915 года командование союзных войск в Вельгийской Фландрии стало получать сведения о каких-то таинственных приготовлениях в стане противника. Разведчики сообщали, что в немецких окопах часто появляются люди шпательского вида, а грузовики доставляют на передовые позиции большие стальные баллоны неизвестного назначения. Баллоны длинными рядами устанавли-

ваются в специально вырытых узких и глубоких траншеях.

Характер немецких приготовлений не оставлял никаких сомнений в том, что против союзников амальгируется химическое нападение. Но французские генералы отказывались верить этому. Ведь применение на войне всяких удушающих и ослепляющих газов было строгим запретом Гагской декларации 1864 года и конвенцией 1907 года! Ведь пох этими международными соглашениями стоили подписи Германии! Как же можно предположить, что немцы решатся нарушить святость договоров? Нет, разведчики, очевидно, что-то напутали...

День 22 апреля был особенно теплым и ясным. Африканские стрелки французской армии, занимавшие позиции абзема небольшого бельгийского городка Ипра, грелись на солнце. С той стороны, где находились немецкие окопы, дул освежающий ветерок. Вдруг у германских позиций появилось странное желто-зеленое облако. Оно клубилось, растекалось по земле и медленно двигалось в сторону французов.

Безобидное на вид облако было удушающим газом — хлором. Действие его оказалось мгновенным. В этот день французы потеряли павших тысячу человек; около пяти тысяч из них умерли от отравления.

Французский фронт был прорван.

Ошеломляющие результаты первой газовой атаки могут показаться в наше время даже неправдоподобными. Известно ведь, что хлор обладает сравнительно слабым отравляющим действием и от него легко защититься. Если бы только алхимические стрелки знали, что для этого достаточно приложить к носу тряпичку, смоченную раствором обмывочной соды!

Неожиданно и вероломное нападение застало союзников врасплох, не подготовленных к защите. Именно поэтому велика была их потеря.

Нарская трагедия заставила союзное командование принять срочные меры. Немцы тускали в ход новые газы, прибегали все к более совершенным методам химического нападения, но союзники уже были начеку. Элемент внезапности потерял прежнюю силу. Война превратилась в упорное химическое соревнование воюющих сторон.

БОРЬБА ГАЗА С ПРОТИВОГАЗОМ

Атака под Ипром прозвучала для химиков как привычный набат. В тишине лабораторий, в уютных кабинетах ученых разгорелась борьба, не менее яростная, чем на полях сражений. Химики всех стран творчески искали новые средства отравления и способы защиты от них. Началась ожесточенная борьба газа с противогазом.

Сразу же после первого немецкого химического нападения у французов и англичан появились противогазы; вначале это были простые тряпки, смоченные водой. Правда, этот «противогаз» ни от какого газа не защищал, но тем не менее известную роль он сыграл. Если можно так выразиться, это был «экспериментальный» он создавал видимость защиты. И когда через два дня после успеха под Ипром немцы повторили химическую атаку на позиции канадцев, вредного эффекта они уже не добились. Канадцы поспешили надеть свои «противогазы», используя для этого шарфы, чулки, одежду, носовые платки — и остались в окопах. Немцы считали победой, но позиции своих канадцев не оставили: так велика была их вера в чудотворные защитные свойства тряпки, смоченной водой. Атака немцев была отбита.

Вскоре, однако, стали появляться и настоящие противогазы. Составление химиков дало свои плоды. Было найдено надежное средство против хлора: солдатам роздали повязки, пропитанные раствором соды, гипосульфита или глицерином. Эти вещества поглощают хлор.

Противогаз обеспечил победу.

Но недалеко длилось его торжество. На арену войны выступили новые газы — фосген. Сода в гипосульфит на этот раз оказалась бессильной. Фосген проникал через пропитанную содой марлю, как вода сквозь решето, и производил свою разрушительную работу в легких человека.

После напряженных поисков химики нашли защиту и от фосгена — уротропин. И в противогаз ввели дополнительные слои марли — с уротропином.

Вслед за фосгеном на полях сражений появилась опьяняющая кислота, или ипритин, — быстро и сильно действующий яд. Превентивная защита не могла бороться с новым могучим врагом. Сильнейшая кислота могла пропитаться только укусаемой марлей. В противогазовую маску появились еще один слой марли.

Так против каждого нового яда приходилось отыскивать особое противоядие. Противогазовая маска разбухла. Долго до того, что французские солдаты начали привносить маску с несколькими десятками слоев марли. А средства нападения все множилось и множилось...

Кто знает, до скольких слоев марли увеличилась бы противогазовая маска, если бы не замечательное открытие русского химика Зелинского, ныне академика, который предложил универсальное средство защиты от всех газов: древесный уголь. Отравляющие вещества, проходя через противогазовую коробку, почти полностью задерживались в бесчисленных порах особым образом обработанного угля. В легкие человека поступал уже очищенный, обезвренный воздух.

Казалось, вопрос «кто кого» решен окончательно в пользу противогаза.

Но изобретатели отравляющих веществ не хотели признать себя побежденными. Они создали новые химические средства борьбы — димы и туманы. Наряду с удушающими газами появились хлоринкрил, дифенилалюранин, адмистин и другие раздражающие и слезоточивые вещества, действующие на верхние дыхательные пути и глаза. Древесный уголь хорошо задерживал газы, но димы и туманы он задерживать не мог.

Для предохранения от дымов в противогазовую коробку стали вводить фильтры из войлока, листового ваты и других фильтрующих материалов.

Так постепенно совершенствовался и усложнялся противогаз.

«КОРОЛЬ ГАЗОВ»

Многие склонны были думать, что теперь-то оба противника — газ и противогаз — скледили уже свое последнее слово.

Но вот в один из жарких летних дней 1917 года у того же злощастного Ипра немцы открыли интенсивный артиллерийский обстрел противника. Затем в воздухе резко прострелялся слабый запах не то лука, не то горчицы.

ЯДОВИТЫЙ ДОЖДЬ

Это было что-то новое. Газов с таким запахом французы и англичане еще не встречали. Однако новый газ — если только это был действительно газ — никаких неприятностей значаще не причинял.

Но вот через некоторое время многие солдаты почувствовали резь в глазах, головную боль, тошноту и обнаружили у себя на теле язвочки. Прошло еще несколько часов. На коже людей появлялись волдыри, которые быстро росли, причиняя мучительную боль. А на третьи — пятые сутки волдыри вскрывались и на их месте образовались язвы.

Это было новое и самое сильное отравляющее вещество — горючий газ, или иприт.

Иприт — не газ, а жидкость. Она поражает не только глаза и дыхательные органы, но и все тело. Обыкновенная одежда не защищала кожу от нового вещества. Пары иприта, попадая в кровь, вызывают отравление всего организма. Таким образом, иприт как бы совмещал в себе действие всех четырех групп отравляющих веществ: раздражающих, удушающих, кожноярозных и обесцвечивающих.

«Королем газов» прозвали иприт потому, что в прошлую мировую войну по масштабам применения он действительно занял первое место среди всех видов химического оружия.

Какая же судьба постигла противозащиты после появления иприта? Потерел ли он окончательное поражение? Нисколько. Современный противозащитный костюм и защитные очки химической войны иприта так же надежны, как и от всех других отравляющих веществ. Гарантирует он и безопасность лица. Для защиты же тела теперь существуют специальные защитная одежда и обувь, сделанные из специальных и протравленных особым составом тканей.

Расчеты химиков на то, что иприт окажется всемогущим и всеобъемлющим оружием, не оправдались.

ТЕХНИКА ШАГАЕТ ВПЕРЕД

Много воды утекло со дня первой химической атаки у Ипра. Техника химической войны шагнула далеко вперед.

Химия предоставляла в распоряжение полководца множество самых лучших отравляющих средств. В зависимости от поставленной задачи он может выбрать вещества, обладающие самыми различными боевыми качествами.

При наступлении, например, наибольший эффект могут дать нестойкие, быстро испаряющиеся вещества, которые, сожмываясь, поднимаются, в то же время не задерживая продвижения наступающих.

В обороне или при нападении на глубокий тыл противника выгодно применять вещества, способные длительное время держаться на местности и надолго затруднять действия неприятельских войск и дезорганизовать тыл. Иприт или люизит могут заразить местность на недели или даже на месяцы.

Каким безобидным выглядит теперь некогда грозный и всемогущий газ в сравнении с огромным арсеналом современных химических средств!

Развитие химического оружия, конечно, не ограничивается только открытием новых отравляющих веществ. Неизбежно была бы беззащитностью даже самого сильного отравляющего вещества, если бы его вздували пускаты в ход с помощью баллонов образца 1915 года!

Чтобы произвести свою знаменитую атаку под Ипром, немцам пришлось привезти и вкопать в землю несколько тысяч громаднейших баллонов, весом по 36 килограммов каждый. Мало того, когда все работы были закончены, установка бездействовала свыше двух месяцев: дождалась благоприятной ветры.

Попробовали бы кто-нибудь повторить эту операцию в условиях современной войны! Вряд ли от противника такую сложную подготовку теперь провести невозможно. В первые же часы противник обнаружит готовящееся нападение и немедленно примет меры. Громадные баллоны безвозвратно ушли в прошлое. Техника создала новые, более подвижные и совершенные способы химической атаки.

Химические нападения теперь могут совершаться внезапно, в любой момент, независимо от климатических условий и характера местности. Для этого существуют артиллерийские снаряды, наполненные отравляющими веществами, танкетки, скорострельные и подкалиброванные снаряды, специальные химические повозки, химические танки, цистерны.

Но самый грозный способ химического нападения — это химическая атака с воздуха. Бомбардировщики могут сбрасывать химические бомбы и распылять отравляющие вещества в глубоком тылу противника.

роловому и до зубов вооруженному врагу — Германии, — почти два десятилетия лет спустя применили итальянские фашисты против безоружного и беззащитного абиссинского народа.

Вот как описывает один из очевидцев, английский врач, это чудовищное злодеяние:

«Ранним утром над равниной повалится несколько самолетов. Бомбы взрываются с глухим, необычным шумом. Мы не знаем, чем это объяснить. Странная догадка открывает истину: газ!» В одно мгновение это пошло в нас. Паанический страх заставляет бежать в разные стороны. Кто заползает в воду, кто затаскивает растениями, кто залезает на деревья. В госпиталь начинают прибывать хилые, истощенные и слезоточащие люди с обожженными телами. Английские врачи устанавливали, что эти ожоги причинены ипритом.

В Абиссинии итальянские фашисты разбрасывали бомбы разных калибров, начиненные чуть ли не всеми известными отравляющими веществами. Тут были и бомбы мгновенного действия, разрывавшиеся сразу же при ударе о землю, и дистанционные бомбы, которые взрывались еще в воздухе, на высоте ста пятидесяти — двухсот метров и поливали большие площади смертоносными жидкостями.

Показали итальянцы и впоследствии новинку — ядовитый дождь, который, по отзывам иностранных военных специалистов, представляет «наиболее эффективный способ химического нападения». Стоит он в том, что самолеты используют местность отравляющими веществами из специальных металлических резервуаров, подвешенных под фюзеляжем и плоскостями. Эти сосуды, или, как их называют, выливные авиационные приборы (ВАП), наполненные стойкими отравляющими веществами — ипритом или люизитом — приводятся в действие непосредственно над целью на небольшой высоте. При этом под воздействием ветра возникают потоки исчезающе темные полосы, а через несколько секунд на землю падает мелкий дождь иприта.

ФАШИСТЫ ГОТОВЯТ ХИМИЧЕСКУЮ ВОЙНУ

В прошлом году при разгроме 2-го батальона 52-го микровоздушного германского химического полка частями Красной Армии были захвачены документы, из которых мир узнал о новых чудовищных замыслах фашистов. Гитлеровская армия собирается применить против советского народа химические средства.

В секретных инструкциях немецкого командования сказано, что химическое нападение должно быть произведено не только в широких масштабах. Это значит, что нападение может быть совершено в любой момент и что оно будет направлено не только и не столько против войск, сколько против находящихся в глубоком тылу городов.

Какие же новые средства удушения готовят против советского народа гитлеровские убийцы? Об этом можно составить себе довольно полное представление из опыта первой мировой войны, войны Италии против Абиссинии и, наконец, по секретным немецким документам, которые попали в наши руки.

В этих документах, содержащих тщательно разработанные указания по технике и тактике применения отравляющих веществ, между прочим, сказано, что немецкие войска получат новые химические виды трех видов, а именно: смесь с одной голубой полосой (опознательный знак), снаряженные отравляющим веществом, раздражающим дыхательные пути; смесь с двумя голубыми полосами, снаряженные отравляющим веществом, боевое действие которого значительно быстрее и почти вдвое сильнее, чем у смеси с одной голубой полосой; смесь с одной зеленой полосой и цифрой «38» на корпусе, снаряженные отравляющим веществом, которое поражает главным образом дыхательные пути и легкие, а также и кожные покровы.

Секретная инструкция германского командования лишь еще раз открывает завесу над готовящимся преступлением. Захваченные доку-

1942-й — будет годом победы!

Репортажи всех стран, ежедневны

Смена

СРЕД. СЕМИНАЛЬСКОЕ. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

БОЕВОЙ ТОВАРИЩ

(По страницам ленинградской «Смены»)

Был канун летнего выходного дня. Газета напоминала о том, что завтра предостит дальняя прогулка на парусных лодках. Она завлачит читателя в парк, да стадион. Со страниц субботнего номера смореди улыбались лица ленинцев 63-й средней школы. Все славом видом эти юноши и девушки говорили, что они молоды, счастливы, что они уверенно смотрят в свое будущее.

На следующий день грянула война. И обезлюдели парки, парусные лодки повернули к берегу, опустели стадионы. Лица молодых людей стали серьезными, каждое движение собранным, все дуало об одном: надо во что бы то ни стало дать отпор врагу.

Уже через несколько часов после того, как в воздухе раздалась первая выстрелы зениток, «Смена» показала читателям молодого патриота—доцента исторического факультета Ленинградского государственного университета Муратова, который добровольно ушел на фронт.

А затем все увидели трогательную сцену расставания в цехе. Мастер — студент механисического цеха И. И. Куликов — проложил ученика — молодого фрезеровщика Владимира Гончарова — в армию.

«На фронт, товарищ!» — с таким призывом обратились через свою газету комсомольцы-студенты Института инженеров связи.

«Молодые ленинградцы, друзья и товарищи! К вам обращем мы сегодня свое слово. В горячие дни гражданской войны, когда Юденич подошел к самым стенам Петрограда, и в прошлом году, когда белофинны пытались посягнуть на спокойствие нашего великого города, комсомол Лейна давал Красной Армии отличное пополнение смелых и мужественных молодых бойцов. Сегодня мы нужны Красной Армии. Сегодня перед нами стоит самая большая жизненная задача, которая только может стоять перед советским человеком, гражданином, комсомольцем, — защита своего отечества.

Мы встретимся на фронте, друзья! Мы вместе отгоним врага от священных рубежей родины, вместе разгромим врага так, что он никогда больше не поднимет своей головы.

На фронт, товарищ!»

Этот клич, повторенный в нескольких десятках тысяч экземпляров газеты, возымал молодежь фабрик и заводов, вузов и школ Ленинграда.

Наступили трудные дни войны. Ленинград оказался во вражеском кольце, но мощные удары Красной Армии на окрестностях. Гуд артиллерийской канонады ясно был слышен в центре города. В эти грозные дни воспитанники ленинградской комсомольской организации — меткие стрелки, автоматчики, летчики, моряки — показали, на что способна мужественная молодежь славного города-воина.

Газета в расказах, очерках, стихах пропалает храбрости их храбрых, доказывает, как любовь к отчизне, острая ненависть к врагу возмужают молодых ленинцев, танкистов, летчиков, рожают героев. «Деритесь, как солдат Василий Довбин!» — говорит газета и рассказывает о том, как этот молодой бесстрашный боец, простой парень с Украины, любивший Ленинград горячее, сыновней любовью, яростно отбивал натиск врага:

«Его оружие было выдвинуто на открытую позицию. Ожидала, что здесь появятся немецкие танки. Вместо них появились штурмовые самолеты врага. Оружие стало бить по штурмовикам. Схватка была короткой. Одно оружие «обло да самолета. На другой день опять ожидали танки. Но снова разведчик доложил: «Воздух!» И этот старатный разделил участь вчерашних штурмовиков. Один из фашистов спутался на парашюте, но его извлекли из бани, где он спрятался.

Затем оказалась немецкая нехоткая колонна, состоящая сплошь из юнкеров. Прямой ваводкой расстрелял командир Довбин колонну, которая вскоре рассеялась. Тогда немецкий офицер послал группу автоматчиков в обход. Довбин померил оружие и бил по автоматчикам. Оружие вскоре замолкло. Кончались снаряды,

— Всем гранатов! — услышала бойцы слова командира.

Вся иреча, браток!

Немцы поднимались, и в двадцати шагах от оруди гранаты свалили их. Когда кончились гранаты, Довбин повел свой расчет в штабской бой. Раненый, Василий Довбин продолжал командовать сраженцем. Двести немецких солдат полегли на дороге, которую так великомерно защищал молодой солдат.

По утрам в блиндажи, к передовой линии огня, приходит свежий, еще пахнущий типографской краской номер газеты. О чем сегодня пишет «Смена»? Пить смальдилов во главе с заместителем полкорука комсомольцем Сенчевым совершили дерзкую вылазку в логово врага. Двадцатидва гитлеровца они уложили на месте, а двух взяли в плен...

Еще пишет газета о самоотверженной работе комсомолки Тамары Конововой.

Двадцать раненых вынесла одлажка во время боя эти девушки. Двадцать первым вышла она своего родного брата. Когда Тамара стала выносить второго раненого, брат попросил: «Там, в кустах, лежит раненый комиссар Гурков, помогай сначала ему».

Тамара бережно положила брата на землю, крепко поцеловала его в щекалку за комиссаром. Она спасла жизнь комиссара, а когда вернулась за братом, он был уже мертв.

Вот на какую высоту может вознести советского человека глубокое патриотическое чувство!

Беззаветная любовь к отчизне подкакала дружиннице Сисовой занять место убитого пулеметчика и нецелою разить враг пулеметным огнем. Горячее патриотическое чувство вдохнуло большую, мужскую силу в маленькую, хрупкую Веру Чернылову. В решающий момент биты она, встав во весь рост, повела за собой вперед бойцов и вставала врага отогнать.

Война обострила любовь ленинградец к своему городу, к его широким проспектам, монументальным площадям, к гранитным набережным. Верность родине и верность городу — эти два чувства тесно сплелись в одно — могучее и непобедимое. Здесь надо искать источник мужества, упорства, решимости жителей города — и тех, кто убедал седины, и совсем юных, только вступающих в жизнь.

Профессор Ва. Радкожин, известный знаток археологии, в коридоре университета встретил своего сына Олега, перебежавшего с фронта. Восторженный этой встрече, ушедший берет слово на страницах молодежной газеты:

«...Сегодня я, старый ученый, говорю вам: смелость и бесстрашие — вот право на жизнь сейчас, в эти тревожные дни. Отцае молодых провозглашаю и славу. Впереди много светлых новогодних ночей. Мы расхнем еще с вами в одну бутылку доброго грузинского вина, расхнем друг друга обо всем, что пережили и что одладали для родины, и поднимем бокалы за ее процветание и счастье!»

Ленинградские женщины — кто знает, сколько мужества, выдержки проявили они в трудную пору жизни города, когда свист бомб и гуд артиллерийских снарядов соединялись в одну алскую какофоную Звилью о голоде, усталости, подвига в сердце подъя в истожающих де-

«ДОРОГА НА ЗАПАД»

Из серии фронтовых зарисовок художника В. Горьева.

тей, эти патриоты сбрасывали с крыш «закапален», перья бросались на раскопанные обрушившихся домов, оказывали помощь пострадавшим.

Вот одна из этих скромных тружениц. Серым декабрьским утром она продает газеты на оживленной ленинградской улице. Сегодня газета печатает радостные вести: о начавшемся наступлении Красной Армии, о разгроме немцев под Москвой. Женщина не может скрыть своего ликования. Она читает громко, на всю улицу, сообщения газеты. И люди, до этого незнакомые, никогда не видевшие друг друга, останавливаются возле нее, загораживают как старые добрые знакомые, с гордостью повторяя имена славных советских полководцев.

«Первый снаряд разорвался на панели. Она видела в окно, как заметались, забежали люди. Поспешно схватив куртку и сумку, через несколько минут она была уже на улице. Второй снаряд просвистел над головой, когда она стремительно перебежала трамвайную линию.

Но Ольга Федорова ни на секунду не замедлила шага, хотя рядом с ней гудко уварались осколки. Ослепшим взглядом дружинницам осматривала пострадавших. Мгновенно сообщая, кому надо оказать немедленную помощь.

Она склонилась над женщиной, истекающей кровью, поспешно перетянула ее в парадное, там ловко наложила туговую повязку и перелела на руки подоспевшим подругам и тогда вернулась на прежнее место. Одиннадцати пострадавшим оказала помощь в тот же день отгажанная дружинница.

Неутомимо показывает газета, как война закаляет молодых ленинградцев, как возникает у них богатейшая выдержка, которая возмужает миру. Ему много приходится испытывать, боевые из Ленинграда. Случается так, что он сутками не выходит из цеха, что порою, возвра-

щаясь с завода после воздушного налета, он не находит своего дома... «Смена» сопровождает его на завод, она стоит с ним у станка, она идет с ним по темным улицам ночного города на боевую вахту. Если тебе сегодня холодно и ты устал, тебе поможет газета. Сегодня ты устал, что другой такой же простой, отнюдь не феноменальный человек не спал уже трое суток, он дал фронту десятки снарядов.

«Четыре месяца назад,— рассказывает в «Смене» молодой стахановец Карбовский,— и поступил учеником слесаря в механический цех. Слесарное дело я освоил быстро. Однажды подходит ко мне мастер и говорит:

— Я вижу, ты серьезный парень. Хочешь работать на станке глубокого сверления?

Я очень обрадовался! Вторая специальность! Так я стал и слесарем и сверловщиком, а постепенно освоил также фрезерное дело. Недавно мне поручили обработку партии деталей для фронта. У меня рядом стоял фрезерный и сверловочный станки. Верстак тоже находится неподалеку. Не теряя времени, я произвел слесарную обработку деталей, включая фрезерный станок, потом перешел на сверловку. Сам не заметил, как над станком повисла плакат «Большевистский привет стахановцу Карбовскому, дающему на ответственном заказе четыре нормы!»

Юрий Карбовский умчался от бессонных ночей, об усталости, потому что он знает: его друзья по заводу работают еще больше, чтобы помочь нашей родной Красной Армии скорее разгромить злобного врага.

Да, мы чувствуем в «Смене» бешеный пульс города-воина, мы видим великих славных смертников в дыму сражений, за героическим трудом у станков, на огнях своего дома. И мы гордимся нашими героическими делами, славные комсомолы и комсомолки города, ставшего легендой!

АГЕНТЫ ПРАГА

Д. ЗАСЛАВИН

Рисунков В. Ефимов

I

В США в конце прошлого года вышла книга профессора Карла Ван-Дорена «Секретная история американской революции. О заговоре Бенедикта Арнольда и многих других». Историческое исследование пришло к себе величине широко известного кругов. Рецензия вызывает книгу Ван-Дорена интереснейшим рассказом о деятельности «тайной колонии» в революционной войне, которую США — тогда еще союз английских колоний — вел против метрополии, за свою свободу и независимость.

Предательство американского генерала Бенедикта Арнольда не раз освещалось в исторической литературе. Он занимал видные посты в американской революционной армии, но пользовался душой репутацией, как человек, в денежных делах нечестный. Он продал английскому правительству, находившись в тайной переписке с командованием английской армии и доблесть выполняющим за пост командующего Вест-Пойнта — ключевой позицией к Гусону, — чтобы отдать его противнику.

До сих пор его предательство считалось взорванным эпизодом. Ван-Дорен на основании документов архива Главной бригадской квартиры устанавливает, что Бенедикт Арнольд был тайно широко разветвленной организацией шпионов и предателей, что в заговоре участвовала его жена, Маргарита, которую большинство историков выгораживали из дела. Ван-Дорен убедительно доказывает, что «тайная колония» сыграла очень большую роль в неудачах и поражениях революционной войны конца XVIII века и могла привести к гибели еще освободительного движения.

Ван-Дорен пишет: «Кроме изменений на полях сражений патриоты имели скрытых врагов, уверявших, что они полжизни друзья Америки. Патриоты должны были держаться против целой сети тайных покушений. Предатели соблазнили граждан, находя среди них людей усталых, нуждающихся, пришедших в отчаяние. Они предлагали им помощь, удобства, удовлетворение их нужд и надежду... За отягощенной войной была скрыта, более опасная, чем предполагали до сих пор.

Беспечность и отсутствие суровой революционной бдительности — это было слабое место великой американской революционной войны за независимость. К слову сказать, это повторилось и во время гражданской войны в США в 1861—1865 годах.

Почти одновременно с книгой Ван-Дорена в США вышел сборник исторической роман Вильяма База «Медоховские» (голлес: «Медоховские»). В нем описана деятельность «тайной колонии» во время гражданской войны в «Медоховском» называла на Севере сторонники рабовладельческого Юга. Действовали они чрезвычайно мало, пользуясь благосудным попустительством северных властей. Южане жили на Севере не менее 30 тысяч своих агентов, занимавшихся шпионажем, предательством, разведкой, связью, интригами и заговорами против правительства Линкольна. Одной из наиболее видных организаций «тайной колонии» были «Рыцари золотого круга». Из этих контрреволюционных кругов вышел убийца президента Абрама Линкольна.

II

«Тайная колония» — это название новое, возникшее в последней революционной войне за Испанскую республику. Четыре фашистские колонии осыпали Мадрид «Тайная колония», скрытая в контрреволюционном подполье, состоящая из предателей разных мастей, помогала палачу республике Франко захватить свободу Испании в угоду германскому и итальянскому фашизму.

За новым названием — старое название, известное миру с тех пор, как ведутся войны. Толстой Сталлин говорил: «Доказано, как дважды, что четыре, что буржуазные государства засылают друг другу в тыл своих шпионов, предателей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и в случае необходимости вернуть их тыл, чтобы ослабить их и похоронить их мечом. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстоит дело и в прошлом».

Мы находим «тайную колонию» или следы ее тайной деятельности в истории всех народов.

«Тайная колония» была опаснейшим врагом французской буржуазной революции XVIII века. Столица Франции и некоторые департаменты, в особенности северные, кишели предателями. Австрийский император в Версале свою агентуру, возглавлявшуюся королевой Марией-Антуанеттой, «Гувернером» Марат призывал французам к неустойчивой бдительности. Его подозрительность была вполне обоснована. Знаменитый трибун Мирабо был не единственным политическим деятелем, кто соблазнил иностранное золото. Расследованием обнаружено многочисленную «тайную колонию», руководимую и финансируемую из-за границы. Члены этой «колонии» рекрутировались из тех классов и групп французского общества, которые ставили своей задачей реставрацию старого, коррумпированного общества — подпольно строили сеть в Лондоне, задушевную французскую революцию, являлись «наемниками» ненавистной революции. Это были титулованные дворяне, обслуги королевской династии, бывшие сановники, высшее духовенство, старые генералы.

в этой классовой среде, обласканные своим правлением, мигрирующей, реакционной, неискренней, лживой чуждой национальной чести, иностранные правительства, враждебные Францию, легко находили агентов, предателей, диверсантов и шпионов.

III

Это исторические примеры из более или менее отдаленного прошлого. Мы находим «тайную колонию» и во времена, более близкие к нам.

Готовясь к империалистической войне 1914 года, кайзеровская Германия создала в России разветвленную сеть шпионажа.

Немецкая разведка изобрела предателей не только среди прибалтийских немцев, остзейских баронов, соединивших в себе холопскую преданность царскому двору с презрением к русскому народу: «тайная колония» рекрутировалась также из реакционных кругов России, из банковских сфер, связанных с немецким капиталом, из черносотенных интеллигентов, падавших на колени.

Уже в самом начале войны вскрылось предательство жандармского полковника Мисоколова. Он состоял на службе у немцев. Он был далеко не единственным в своем роде. Царское правительство не решилось разоблачить немецких шпионов. Ни оно, и царь были осознательные причины. «Тайная колония» имела своих агентов при царском дворе и в самой царской семье.

Величайшим скандалом было дело царского военного министра Сухомятова. Он был оштрафован австрийско-немецкими шпионажами. В кабинете русского военного министра австрийский шпион Алашхидлер хранился как у себя дома.

Нити шли дальше. Шайка немецких шпионов и предателей тусо облепала царский двор и ставку Николая II в армии. Царня Александра Федоровна, пока во время войны американскую переписку со своими родственниками в Германии и вылавливая военные тайны у своего слабоумного мужа. Царская фрейлина Венеличкова привозила в Россию письма от правителей Германии. Министр внутренних дел Протопопов вел тайные переговоры с немцами, подготавливая сенатский мир с Германией. Немецким агентам было и неизвестный сенатский фаворит — хитрый сибирский коновод Григорий Распутин.

Продажные лошади, давно утраченные всякое представление о национальной чести, орудовали в последние дни империалистической реакции. Они готовили прозвать Россию, чтобы раздвинуть назревавшую революцию.

Эта «тайная колония» царского времени была разгромлена прелестной революцией. Она выросла из нескольких ячеек состава во время гражданской войны 1918—1920 годов.

Для борьбы с большевиками объединили монархисты, кадеты, меньшевики, эсеры. С ними злобно действовали буржуазия и троцкисты. Интеллигенты находили многочисленных пособников в среде приверженцев царского режима: помещиков и капиталистов, кулаков, царских чиновников, реакционных интеллигентов. «Тайная колония» была всюду. Из многочисленных эпизодов того времени достаточно напомнить об организованном Ложжиром мятеже Савина. Кона в Ярославле, о предательстве бывших царских офицеров под Ленинградом — в фортах «Красная гора» и «Серафимово» — о заговоре Алексея в Шарнино, о покушениях на жизнь Ленина, Сурова революционная бдительность помогла разоблачить и разгромить контрреволюционные гнезда, кишечные шпионажи, убийства, диверсанты. От провинциального взгляда товарища Сталина не укрылись тогда враги ни под Ленинградом, ни в Шарнино.

Классовая капиталистических классов подорвала победу под «тайной колонии» в СССР. Рабочий класс в союзе с крестьянством вытеснил загнившую остервеневшуюся правую советского народа. Остались «убоими». Превращения буржуазно-троцкистская, расколовшая советскую рабочую партию, выброшенная из партии большевиков, стала основой оплот бесчестных организаторов новой войны против Советского Союза.

На латышском прощались предатели «Промитраты», меньшевики, троцкисты, буржуазия, рыцари и другие предатели перед всем миром вскрыты была связь между этими отдельными контрреволюционными и иностранными разведками. Мерзавцам удалось вырвать из наших рядов элементу трибуна революционер Сергей Миронович Кирова. Они готовили покушения на руководителей индустрии народа. Выполняя задание иностранных генеральных штабов, троцкистско-буржуазные шпионы готовились открыть фронт немецкой армии в случае войны. Пожары, только теперь, когда война стала реальностью, можно полностью уснуть себе, какую опасность представляла эта «тайная колония» немцам и немцам. Разгром этой «колонии» был первым поражением Гитлера в нынешней войне. Товарищ Сталин раскрыл черные замыслы врагов. Он указал на связь контрреволюционного заговора с контрреволюцией индустрии против Советского Союза и призвал советский народ к бдительности.

Теперь это стало ясно многим и за пределами Советской страны. Когда бывшего американского посла в Москве Джозефа Дэвиса спросили через несколько дней после инцидента Гитлера на СССР: «А что вы считаете относительно этой «тайной колонии» в России?» — он ответил: «У них нет таковых, они их расстреляли». Этот ответ Дэвиса был приведен в английской газете «Санди Экспресс». Дэвис упоминал тут же, что многие люди на Зандале

во время процесса над шпионами, предателями и диверсантами считая эту процесс «незамысловатым примером варварства, неблагодарности и проявления истерии. Однако в настоящее время стало очевидно, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников».

Он это же говорил в недавнем своем выступлении в США под Вивербурк. Он сказал: «В настоящее время совершенно ясно, что люди, которых расстреляли, предан бы Иосифу Сталину».

Те народы, которые бесечно, благодушно относились к деятельности «свободной колонии» в мирное время и снисходительно терпели грязную игру агентов Гитлера, теперь жестоко за это расплачиваются свободой страны, жизнью граждан, национальнoй честью.

IV

Задолго до разоблаченного нападения на Чехословакию и Австрию, на Польшу, Норвегию и Данию, на Бельгию, Голландию и Францию, на Грецию и Югославию Гитлер готовил во всех этих странах «свободную колонию», которая должна была выдвигать с тыла на обороняющиеся армии и парализовать сопротивление всеми средствами — начиная от лживой фашистской пропаганды, конца прямой государственной изменой, диверсиями, саботажем.

Дорно, Даваль, Марсель Дель, де Бринок во Франции, Гаха в Чехословакии, Квислинг в Норвегии, Павелич в Хорватии, Недич в Сербии и всякие иные предатели — все они состояли агентами германского генерального штаба, получали деньги из немецких банков и каждый на своем месте вел подрывную работу.

Франция — это страшный, злобный пример предательской деятельности «свободной колонии». Французы готовы были оказать немцам героическое сопротивление. Они могли и хотели драться. Но оборона была парализована предателями. «Пятая колония» села паннику, выходя вслепу на разожжение. Измена шла вперед немецких войск и указывала им путь.

В завоеванных государствах Западной Европы гитлеровцы могли образовать правительства из более или менее видных реакционных политических деятелей, из марионет типа Давала и Квислинга. Они оказывали и оказывают содействие оккупантам, выдают списки на «национальные правительства», пытаются вербовать отряды «добровольцев» в помощь Гитлеру.

«Пятые колонии» существуют во многих государствах Западной Европы, Америки и Азии и тех, которые сохраняют нейтралитет, и даже в тех, которые находятся в антигитлеровском лагере. Везде более или менее открыто орудуют агенты Гитлера. Они действуют и там, где им пришлось уйти в подполье и законспирироваться. Как предатели в период американской, российской и английской войны за независимость, они иногда выдают себя даже за друзей антигитлеровской коалиции. Это маскарад, который помогает им готовить исходники предательской удачи.

Этот удар не побудит свободу и независимость Ирана. Разгром широко разветвленной «пятой колонии», организованной германскими фашистами, освобождает иранский народ от грозной опасности. Некоторые немецкие агенты перекочевали в Турцию. На всем Востоке германский фашизм развивает алкающую деятельность, подготавливая диверсии, взрывы, предательства. В нечисти собралось у немцев немецкое «дворцов» Шимца, который в Анкаре под прикрытием отделения германского агентства Трансокеане руководит фашистской агентурой.

Независимо в Египте был арестован бывший премьер-министр Египта Алаи Макер-паша. Это агент гитлеровской Германии, передавший итальянцам планы первого наступления генерала Уэллеса в Ливии.

Многочисленна «пятая колония» в Америке. Она пользуется до последнего времени почти полной свободой в своей подрывной деятельности. В США прошло несколько процессов германских шпионов. Это были не только немцы по национальности и по происхождению: шпионаж осуществлялся и американскими гражданами, действовавшими с удивительной изощренностью.

В США широко известна деятельность араболога Кофлина. Он открыто вел в своих радиопередачах фашистскую пропаганду. Этот активный участник «пятой колонии» и сейчас пользуется свободой подрывной деятельности. Единственная мера, принятая против него, — запрещение пересылать по почте его газету «Сигнал эмигранта». Борьба с «пятой колонией» в США только начинается. Она прерывает к себе внимание народа, который проявляет заинтересованность и требует бдительности от властей. Поэтому и вызвала к себе тайный интерес книга Ван-Дорена о «пятой колонии» во время американской революции. Американский народ не хочет снова быть жертвой благодушия и бесчестия.

V

«Пятая колония» была разгромлена в нашей стране перед войной. Этой победой над врагом мы обязаны гениальной пронацпальности и революционной, большевистской твердостью товарища Сталина.

Облаки капиталистических классов — бывшие помещики и капиталисты, царские чиновники, кулаки — тщательно прятались в щельх советского государства. Они хоронились и маскировались, выжидали себя за лобными советских служащих, но в их презренных душах жила воля ненависти к советскому строю, к рабочим и колхозникам. Среди этой живой навали немецко-фашистские захватчики вербуют своих пособников в оккупированных районах и пытаются организовать колонию советскому тылу.

Эти ниточные и бессильные попытки. Ни на какие общественные группы гитлеровцы не могут опереться в нашей стране, ни у кого не могут найти сочувствия. Выборы в Верховный Совет СССР

и в республиканские, в местные советы показали морально-политическое единство советского народа. Отечественная война подтвердила его. На выборах наш народ голосовал за блок коммунистов и беспартийных, за советский строй, за Сталина. В отечественной войне весь советский народ астад как один человек за родину, за советскую власть, за Сталина.

Но мы знали, что есть среди нас какое-то ничтожное количество врагов, тающих черные змеицы. Теперь нам становится известен имена некоторых из них. Бог немецкий шпион, продажная шкура, — Григорий Терентьев. Он назывался колхозником. Но его отцы был до революции богатим параском, а в 1929 году сдулся за контрреволюционные дела. Долго тайл смых волюю злобу против советского народа.

Вот фабричный староста Салничегогорска Н. П. Крестовский. Он работал рывилье в ройской больнице. Его знали, по не расказывал в свое время. А он все время думал мысль о реставрации капитализма. Глупый, невежественный человек, он поварад, что с парадом немцев пошерется выжить колесо истории!

Таких жалких, ничтожных людинак немцы выводят в разных местах, но из этой навали «пятой колонии» не сколотичив.

Но если не родит советская почва капитализма и лаваш, то это не значит, что можно благодушно относиться к предателям мизерного кадра. Опасность диверсия становится не меньше от того, что ее осуществляет не видный политический деятель, продавший врагу народа свою честь, а жалкий пропойца, провинный свой совесть. Враг идет среди советского народа людей слабым, неустойчивым, податливым на слезы, на слухи. Враг действует угрозами и подкупом. Он перебарывает в наш тыл злупыных лживых или подкупленных обывателей, чуждых понятию чести и родины. Враг деет по все двери и окна, он ищет щели в советском строе, куда бы он мог проинуться. Не удалось закрыть все двери и окна перед врагом! Помнить, что сторожевое охранение должно быть всюду — не только на фронте, а и в тылу. Помнить, что в дни войны нет грани между фронтом и тылом и каждый советский патриот — это часовой на страже государственной и враждей тайны. Бдительность — это святой завет военного времени.

Гитлер строил свои расчеты на победу и на помощь со стороны «свободной колонии» в Советской стране. Он просчитался! Нет и не будет «свободной колонии» в Советской стране, освобожденной от помещиков и капиталистов, от кулаков, от хомской буржуазной челяди. А человеческая гниль, которую Гитлер пытался наскрести во время оккупированных советских районов, не спасет его от неминуемого поражения.

НА СТРАЖЕ МОСКВЫ

С. КРАСНОВА

«На дальних волстухах к Москве нами сбито... вражеских самолетов» — эта строка, встречающаяся в сообщениях Советского Информбюро, означает, что над столицей висела угроза воздушного нападения. Но враг так и не долетел к Москве.

Не напрасно жужжали всю ночь моторы наших воздушных патрулей. Не зря бороздили они затонувшей землей зенитчики. Ночь в городе прошла спокойно.

Один за другим, патристические выскочки небе, один за зенитчиками, сорко наблюдовские небу, ограждают Москву от воздушного нападения врага?

В противовоздушной обороне города есть еще люди, которые, так же как летчики и зенитчики, оберегают безопасность столицы. Это радисты. Их первым долгом знать о приближении врага. По их сигналам взлетают в небо истребители и начинают свои орудия зенитчики.

***

Военной радистке Тамаре Зарубиной двадцать лет. Всего за несколько дней до начала войны она окончила десятилетку и собралась из своего родного Сирагува в Москву — учиться в Институте связи.

Интерес к радио развился у нее еще со школьной скамьи. Ее увлекала возможность при помощи чудесного полиграфического аппарата совершать путешествия в далекие страны, обозревать целый мир, не сходя со стула...

Но к высотам радиотехники ей пришлось даваться необычной, военной дорогой. Фронт позвал ее — и она с радостью пошла туда, где сейчас больше всего нужны ее силы.

И вот Тамара Зарубина и ее академичка подруга Тоса Багрова зволнованные стоят у стола секретаря комитета комсомола, ожидая путевки в школу военных связистов. Старший товарищ предупредил девушек, что их ожидает серьезная военная работа.

«Хорошенько подумайте, взвесить свои силы, пока не поздно», — говорит он им. Но подруги тверды в своем решении. Тамара довольна вдвойне: она будет учиться интереснейшему ее делу — радио — и кроме того, может быть, поведет на фронт...

Утром занималась Тамара на курсах. Пятидневные звонки — точки и тире — с каждым днем становились все более и более осмысленными, вырастали в буквы, а те в свою очередь складывались в целые фразы. Тамара училась принимать и расшифровывать слова при помощи особой таблицы — радиодиа. Учелась сама отправлять в эфир точки и тире, делать это быстро, точно, четко. И большие успехи радистки должны усилить за одну минуту принять пятнадцатилетний грузник зенитки, а ведь каждая буква содержит пять букв!

Не успела Тамара оглянуться, как курсовые работы окончен. Вперед была Москва, фронт...

Еще продолжались вторые генеральные наступления Гитлера на советскую столицу. Борьба была напряженной. В те дни став фашистских самолетов особенно часто

вращались к Москве. Именно тогда Зарубина села к аппарату. Много волнений пережила она в первый день своей самостоятельной работы. От разрывов болт абзаце, где она работала, ходило худое...

Тамаре доверено большое дело. Сидит она с наушниками на голове неподвижно, как бы застывшая, и только лицо ее выдает большое внутреннее напряжение. Натренированный слух охотится за сигналами различных радиостанций, ищет проносимых в эфире. Это не только случайные звуки: это — и очень часто — звуки немецких радиостанций, стремящихся помешать работе советских радистов. Из такого моря звуков Тамара Зарубина и должна выудить один, устремленный к ней, требующий внимания, поданный с наблюдательного пункта ПВО. Бедо, если она его не уловит в нужный момент. Но Зарубина не сорвалась ни разу, она сидит спокойно у аппарата, одной рукой легко и быстро настраивая приемник на нужную ей волну, а другой — держа выготое карандаш для записи. В часы особенно тревожной работы, когда некоторые ее товарищи-радистки начинают волноваться и для избежания путаницы к ним сажают дублеров, раздается спокойный голос Тамары:

«Ис говорящи радисты, внимание! Кому из вас помочь?»

И она помогает, в это время аппарата. Три радиостанции подают ей позывные сигналы. Выясает так, что две из них начинают работать одновременно. Ведь не скажешь им: «Обойдите минутку, я сейчас занята». Тамара принимает одну станцию и в то время, как та повторяет свое передатку, записывает сообщение второй станции. Она уверена в себе: она знает, что точно записала сообщение первой станции.

Так изо дня в день Зарубина подает своим подругам пример четкой, военной работы. Их много, этих девушек — патристок нашей страны. Их становится все больше и больше у радиоприемников, у прожекторных установок, у зенитных орудий.

***

Высоко в небе, часто недосягаемо для глаз с земли, роет советские зенитчики — воздушные патрули, — охраняя наши города, военные объекты, наземные войска от фашистских шпатов. Бывает ли небо слезливо-голубым или серооблачно-дунным, непринципиально-серым или в чучельных цветах — все равно оно таит опасность — угрозу воздушного нападения. Как принято это называть с момента войны. Эту угрозу вовремя заметит воздушные патрули, вовремя услышат советские радисты и вовремя сообщат зенитчикам.

Иногда в аппаратуре радисток одна из девушек тихо заплетает про себя: «И вот твой город, можешь спать спокойно...» И кажется, что кто-то повторит вследа: «...можешь спать спокойно».

Но город не спит — город трудится для фронта, город кует победу, а советские девушки-радистки трудятся и оберегают его героический труд.

СТРАНА, ЗАЛИТАЯ КРОВЬЮ

В. БЕЛЯЕВ

Польша была первой страной в Европе, которая отказалась принять ультиматум Гитлера. Лавина фашистских танков немедленно ринулась на польские земли. Немецкие самолеты стали бомбить польские города. Польша была первой страной в Европе, которая с оружием в руках поднялась против гитлеровского нашествия. Исход этой неравной борьбы был предвешен уже в самые первые дни войны, однако полные патриоты оказавшиеся наступавшим немецким армиям упорное сопротивление. Горы немецких трупов выросли на пути фашистов под Моджином, воле Варшавы, под Кутно и на Восточном фронте. Продолжали немцы чувствовать силу сопротивления польского народа и поныне.

«Во всей Польше», — говорит вернувшийся оттуда немецкий солдат, высказывая, которого опубликовала газета «Нью-Йорк таймс», — центр могильной атмосферы. Фанатичная ненависть горит в глазах каждого арестованного или поставленного к стенке за саботаж поляка». В этой священной ненависти к поработителям объединились представители всех слоев польского народа. Ведь не случайны тому немцы до сих пор несмотря на все старания не могут найти подходящей кандидатуры на роль польского Квиссина или Петца. До сих пор немцы не могут оградить себя от злобного желанья польского правительства, подобно правительству изменников Недиичи или Гаха. Ни один поляк не хочет предавать свой народ.

И гитлеровцы жестоко мстят полякам за то, что они не сдались оккупации 1939 года, за то, что они с той же оравостанчиваемостью относятся к немецким оккупантам. Можно с уверенностью сказать, что вне ода из страны, поработанных Гитлером, не выскла столько страданий, как Польша. С начала оккупации немцы повсюду и расстреливали восемьдесят две тысячи поляков, более тридцати тысяч их томятся в концлагерях, экзекуторная окаяная смерти, свыше миллиона поляков вывезено на работы в Германию. Сейчас немцы ввели телесные наказания. Чиноицы, представляющие власть оккупантов в деревнях и в волостях, уже получили предписание назначать за порывающиеся поступить иначе наказания в виде плетей должны быть немедленно представлены начальству.

Приблизил недавно из Польши в Палестину известный ориенталист доктор Мавский, которому удалось бежать из немецкого концлагеря, рассказавший на страницах израильской «Иерусалимской газеты» о жизни в концлагерях. Он поддерживал связь с одним польским поляком, живущим в Варшаве. Он работал в подпольной патристической организации. В заключенный часе должна была приходить еще одна вышедшая из Польши. Когда в холлхда к месту, где мы должны были встретиться, послышалась выстрелы. Не зная еще, в чем дело, бегу и через минуту залезу в укромном месте лежат этот двадцатидесятилетний юноша, на свидание с которым я шел. Среди собравшихся вокруг него толпы слышу выскрек «шпион!» Возле лежащего в луже крови юноши сплелся еще один человек — старик, Саршавно. «Что произошло?» Ответом: «Здесь польский шпион. Вот лежат!»

Земля в эту пору была уже покрыта тонкой пеленой снега. На снегу ярко чернели волосы юноши, кровь лужавилась у него на устах. Он весь был буквально изрешечен пулями. Возврату рассказавшего газету, польской литературе. Глажу на юношу, глажу на газету. А рядом араг. Уж тут умянувшись,

тусклыми глазами смотрел на меня умирающий, словно хотел эти последние взгляды вырвать все, что вам вместе было дорого и свято. Многих услаив стоило, чтобы не нагнуться и не поддержать голову юноше. В ту же минуту он умер...»

«Ваш случай», — продолжает доктор Мавский, — сейчас в Польше десятки, тысячи. Молодые и старые гибнут во имя свободы. А тем, несчастье, страдающим до смерти, и в нем живет мать. Мать, которая ждет возвращения сына, ушедшего с польскими газетами... Это все шеренги безымянных героев, которые немоторы на странице притеснения и фашистский террор сохранили мужество и силу духа. Они борются с песней на устах, слова которой известны всем полякам: «*Вся Польша звалит короля, всудит пытки, позорный гоним и слезам. Однако Польша не пожелала, потому что живы еще ее молодые львы. И хотя враги нас изтаивают в застенках, хотя льва наш залиты кровью, мы поем: «Да здравствует свобода, идеалы отцов сберегут нас».*

В одном из американских журналов опубликовано полученное из Варшавы письмо семнадцатилетней польской девушки, прикомандованной к постели из-за тяжелого недуга (во время осады Варшавы осколки немецкого снаряда повредили ей позвоночник). Девушка пишет: «*Не жалейте нас, мы молоды и наша обязанность — оставаться здесь. Мы живем на хлебе и воде в готовности на все лишения, лишь бы только Польша вновь стала Польшей».* Подобные настроения очень распространены среди польской молодежи и всего остального населения.

На оккупированных землях существует много подпольных радиостанций и типографий, с помощью которых осуществляется освобождение движения радиоэфира почти по всем районам. Долгое время одна из подпольных радиостанций работала в склепе на кладбище в Александрии Куэвском. Только недавно ее обнаружили гестапо и вместе с ней обслуживающего ее, неизвестного до того времени доктора «подпольной Польши» Вяняского. Фамилия его стала известна радиослушателю только после его смерти.

Издающаяся немцами в Кравке «Краузер цейтунг» недавно с тревогой писала о польских партизанах, действующих в белогорских лесах. Сейчас газета бьет тревогу по поводу появления партизанского отряда в лесу около Гроховицы. По словам газеты, отряд этот отлично вооружен и обучен. Он нападает на немецкие автомашины. Газета с горечью сообщает, что все облавы, которые полиция

предприняла вместе с немецкими войсками против партизан, до сих пор еще дали никаких результатов».

Владыки всех полков, временно порабощенных Гитлером, обречены на Восток. Каждая восточка об успехах Красной Армии вселяет надежды в сердце каждого честного патриота. Ежедневно семидесят, минут говорит польский радиостанция Лондона. На голосе доктора «Этот говорит Лондон» настроены сотни и тысячи тайных радиоприемников в Польше.

Осенью 1939 года много польских солдат и офицеров, попавших в плен, обречены на кровавые пытки, прошли по шоссе, которое ведет к Залешкам, пробирались горными тропинками через Карпаты, чтобы воевать с немцами на других фронтах. И отряды этих вооруженных польских зачинщиков свободы Франции, сражались в Восток, сдерживали натпор наступающих немцев вблизи Дюнкерка, обороняли

Гитлеровцы разорили и ограбили Польшу. Голод и нищета стали постоянными спутниками сотен тысяч людей. Вот нередко встречающиеся картины: поляк, потерявший надежду получить работу, прятается в кривом. За яростно вопит он самовольных немецких учтеров по улицам Варшавы...

Нарвик. Сейчас они героически зашинами к поезду Дюнкера и побросали Шотландии. Немало их было и числе защитников Тобрука.

Австралийский журналист И. Хетеринг опубликовал на страницах газеты «Телеграф» статью, в которой пишет: «*Я провела целый день в поездке с южной Тобрука и ввела людей из далекой Польши, которые пришли сюда потому, что поставили себе целью жизни борьбу, которая сейчас для них является всего и только смыслом жизни. Они составили часть расквартированных по миру вооруженных польских сил, которые помогают здесь английским и австралийскому гарнизону. Они сражаются под лозунгом освобождения своей страны и своей Европы от власти гитлеризма. Я разговаривала с офицерами и солдатами, которые лишены своего крова и отчизны. Жен, дети, отцы и матери многих солдат находятся в Польше и знают всю тяжесть их положения. Немало из этих людей, сражающихся в Тобруке, не знают даже, где находится их семья, не знают, живы они или погибли, потому что со времени оккупации Польши не имело никаких известий от своих. Польки, которые зашинами позиции Тобрука, находятся здесь не очень давно, однако много из их отапы и мужестве рассказывают много различных историй. Это люди самых различных категорий. Но каждый из них сражается против немцев в Польше и потом, переживая сотни приключений, ушел из своей страны, чтобы найти дорогу в польскую армию на Ближний Восток. Многие из них прошли разными путями. Некоторые прошли по триста—триста пятидесят миль пешком. Мне представили здесь самого молодого солдата — семнадцатилетнего стрелка, который сражается за Польшу с пятнадцати лет».*

30 августа 1940 года на одной из окраин Лондона польские летчики обучались под руководством английских инструкторов летному делу. Неожиданно из-за облоков вынырнули немецкие самолеты. Польские летчики, не дожидаясь команды, замалли на своих машинах в догонку за фашистами. Вскоре три «Мессершмитта» рухнули, облитые пламенем, на землю. Возвратившись на летное поле, полкии получили награду за самоотверженное оставление авиации, благодарность за боевые успехи и... извещение о том, что учебная программа считается пройденной.

Так высоко оценили англичане мужество польских летчиков.

Польская армия, которая сформирована на территории Советского Союза и проходит воинские операции, тоже ждет своего боевого часа, чтобы выступить совместно с частями Красной Армии на освобождение родной земли.

ОРЛЯ

Сербская народная песня

На краю долины свежей
Собираются юнаки —
Собираются юнаки —
Молодые партизаны.
Только я сред них не вижу
Орля, славного юнака.
«Белоясные подруги,
Черноглазые девчаты,
Вы скажите, где мой Орля,
Я давно его потерял,
Может, он сидит в темнице,
Может, он лежит в могиле?»
Но молчат мои подруги,
Ничего не отвечают.
Ничего не отвечают,
Только слезы утирают.
Дайте мне скорее саблю,
Джифард! Я скажу тебе,
Буду бить врагов-фашистов,
Что убить носили Орло,

Что носили нашу землю
Расплатить ногой проклятой,
Заплатить в телеги женщин,
Жечь и грабить наши хаты.
Я пошла с дружиной смелой.
Бой кипел у белой башни.
Я врагов видела орамы,
Войл мне нестрашно в битве,
Был из тесного ушеля
К нам приходит подкрепление,
И идет отряды Орля,
Горбоносый гордый Орля.
Мы воевались, вместе в битню.
Пот со лба рукой прохладной
/ Нам победа утирает.
Говорит любимый Орля:

«Победа моя дружина,
Был я сам врагами ранен
И лежал под старым букмом
Во бору, бору белодомом».
«Как же ты не ушел Орля?
Кто обмыл на теле раны,
Кто принес воды и хлеба
И вдохнул отагу в ране?»
«Вода залезала мне раны,
Воду вилы² приносил,

И манну вместо хлеба
Мне вустаркин давала.
Бук шумел над головами,
Говорил мне бы стословный:
«Поправляйся поскорее,
Партизан утравый Орля!
Ее взяла твою невеста
Саблю у крестике ладони.
И с юнаками девчаты,
Дети и молодые орамы,
Быт фашистов оканчив,
Только ты лежишь под буком.
Близок час освобождения
Горемычной половины —
Нашей Сербии родной —
Нестабильной отчизны.
И от песни, песни бую,
Сразу раны затнулись,
Засветил в по-юнаки —
Братья-соколы сидеялты,
Стан соколов светелысь.
И дружиной обступилсь,
И с дружиной соколиной,
И с юнаками родными,
И с тобой, моей невестой,
Мы фашистов оканчив
Ночью выбрали из башни».

¹ Джифард — во-сербски отшельник, орудие.

² Вилы — так в мифологии западных славян называются длинные мучедеца, обитающие в горах и лесах.

Перевела с сербского
Надежда БЕЛИНОВИЧ.

УЧИТЕСЬ ХОДИТЬ!

А. ПУГАЧЕВСКИЙ,
чемпион и рекордсмен СССР

Попробуйте как-нибудь внимательно присмотреться к пешеходам, которые, по свидетельству Илфа и Петрова, составляют «лучшую часть человечества». Наблюдения за тем, как они движутся, не только интересны, но и полезны.

Смотрите: один далеко выбрасывает вперед ногу с силой ударит краем каблука о мостовую и, тяжело перевалившись, через ступню, делает следующий шаг. Другой шагает мелко и часто, почти не поднимая ног. Третий раскачивается на ходу. Четвертый делает туловищем арапацкие движения, словно хочет спирально обвиться вокруг собственного позвоночника. Ноги у него широко расставлены, а руки движутся по какой-то замысловатой кривой.

Вглядываясь вот так взглядом спортсмена на пешеходов, и становится понятным парадоксальное утверждение специалистов о том, что многие люди не умеют ходить. Человеку нужно, оказывается, дважды в жизни учиться ходить: первый раз — на заре жизни и второй — уже в более зрелые годы.

Умение ходить, правильно, экономно ходить играет весьма важную роль, как только человек становится бойцом.

Русский солдат издавна славился своей выносливостью. Прежде всего это выразилось в умении быстро преодолевать большие пространства, то есть в умении ходить.

Великий русский полководец Суворов придавал большое значение быстроте возвращения войск. В своей известной книге «Наука побеждать» Суворов пишет:

«Второе — быстро. Не останавливаясь, гуляя, по песням, бей в барабан, музыка гремит. Десятки отомала, первый взвод синим ветром (ранцы — А. П.) и ложись; за ним второй взвод и так взвод за взводом. Первые захват не жди. На первом десятке отсчитай час. Второй десяток — отбой, отсуды час и более.

...Непонятно нас не читает, счет за сто верст. Вдур мы на него, как снег на голову — закуряются у него головы.» Недаром знаменитые переходы суворовских армий считали асимметричной славой.

Важно ли бойцу уметь хорошо ходить сейчас, в наше время?

Немало, наверное, найдется людей, которые скажут: «Да, в суворовские времена уметь ходить имело большое, а подчас, быть может, и решающее значение. Но теперь, когда идет «война моторов», когда армия располагает механизированным транспортом, — это искусство не так уж важно.

Те, кто думают так, неправы. Правильно ходить должен уметь каждый боец и сейчас несмотря на высокий уровень техники в современной армии. Вот примеры. Как правило, пешота сбивается с противником в шестом строю. Без умения ходить и бегать трудно отдалать противника. Дальние рейды в тыл врага, обходы и охваты, скрутки передерживания, атаки с тыла — все это требует от бойца Красной Армии умения хорошо ходить.

***

Во время ходьбы люди немного приподнимают свое тело. Делая шаг, человек обычно приподнимает на 4—5 сантиметра. Если взять длину шага за 80 сантиметров, то окажется, что на протяжении километра человек 125 раз поднимет свое тело. Предположим, что пешеход, у которого вертикальные колебания тела достигают при ходьбе 4 сантиметра, весит 75 килограммов. Значит, на протяжении 10 километров он делает работу, достаточную для того, чтобы поднять груз весом в тонну на высоту 35 метров. Если же эти

колебания составляют не 4, а 7 сантиметра, работа, затраченная пешеходом на вертикальные колебания на протяжении 10 километров, будет достаточна, чтобы поднять тонну груза на высоту в 61 метр. Как видно, излишняя затрата энергии весьма значительна.

Теперь вы можете сделать для себя вывод: правильно ходить — это значит рационально, экономно расходовать силы. Если нам удастся скротить вертикальные колебания хотя бы на 2,10 доли сантиметра, то, затратив то же количество энергии, что и раньше, мы пройдем путь значительно больший.

Кроме вертикальных во время ходьбы человек делает еще и боковые колебания. Они особенно заметны у человека, обладающего так называемой «походкой-переваливающейся» боком на бок. И этих бесполезных движений надо тоже по возможности избегать.

Очень важна при ходьбе работа рук. Руки помогают ходить. Однако лишние движения рук следует избегать. Начав тренироваться, вы должны внимательно (особенно на первых порах) контролировать каждое свое движение, добиваясь сперва точности, а потом и автоматичности.

О том, каких результатов можно достичь, совершенствуя технику ходьбы и тренируясь, говорят рекорды лучших ходочесов мира. Средний пешеход проходит за час 5—6 километров. А англичанин Поуп за час покрыв 13 километров 308 метров, латыш Далиш за два часа прошел 24 километра 843 метра, швед Микельсон меньше чем за два часа прошел 25 километров.

Приобрести хорошую походку, научиться не раскачиваться корпусом из стороны в сторону, правильно свести ступню, не разводить ноги сильно в стороны, двигаться эластично, мягко

Следы ступней при обыкновенной ходьбе.

и легко может при желании каждый человек, если он хоть немного будет следить за собой.

Существует три вида ходьбы: ходьба спортивной (английским) шагом, пригибный (французским) шагом и обыкновенным шагом.

Следы ступней при спортивной ходьбе.

При спортивном шаге до предела уменьшаются вертикальные колебания; обе стопы сводятся почти на одной линии. Поэтому уменьшаются и боковые колебания.

Следы ступней при пригибной ходьбе.

Пригибной (французский) шаг характерен тем, что человек не выпрямляет ног до конца, а все время идет на полусогнутых ногах. При этом способе ходьбы длина шага увеличивается

с 80—85 сантиметра до 110—115 сантиметров.

Правда, такой шаг требует особой тренировки. Но его сформулировал тот, кто он скрывает силы ходока. Этим шагом очень полезно ходить при форсированных переходах. Некоторые части французской армии, обученные пригибному шагу, проходили несмотря на плохую почву километр за восемь минут, то есть делали семь с половиной километров в час.

Вспомним наши расчеты о работе, которая затрачивается на ходьбу, и сравним пригибной шаг с обыкновенным.

Обыкновенный шаг	Пригибной шаг	
Длина шага	84 сантиметра	113,5 сантиметра
Продолжительность шага	0,86 секунды	0,66 секунды
Вертикальные колебания	6 сантиметров	4 сантиметра
Подъем тела на 1 километр пути	71,4 метра	35,2 метра

Из приведенной таблицы видно, что работа, производимая при пригибном шаге, вдвое меньше, чем при обыкновенном.

***

С чего следует начинать тренировку в ходьбе? С самого простого — учиться ходить быстро, энергично шагать — следовать за своей походкой. Попросите на первое время товарища присмотреться к вашей походке. Определите, какие недостатки надо устранить, какие движения освоить.

Итак, как же надо ходить? Ступня ног надо ставить параллельно друг другу, в крайнем случае, со слегка развернутыми носками, но внутреннюю сторону пятки при этом должно быть на одной линии. Корпус и голова держатся прямо, грудь развернута, плечи не напряжены и слегка опущены вниз. Руки прямые, расслабленные, делают свободные и широкие движения в ритме шага. Вместе с правой ногой вперед выносятся левая рука и наоборот. Рука при этом немного сгибается в локте. Нога мало касается земли пяткой и одновременно сгибается в колене. Длина шага при обыкновенной ходьбе равна примерно 80 сантиметрам.

Важно с самого начала тренировка научиться чувствовать правильный темп ходьбы. В Красной Армии существует два вида обыкновенной ходьбы: нормальная — восьмидесять шагов в минуту и ускоренная (маршевая) — сто двадцать шагов. Конечно, во время тренировки можно повышать темп, выработав таким образом и быстроту и выносливость.

Не забудьте позаботиться о правильном дыхании. Легкие утомляются не от того, что человек плохо выдыхает, а потому, что он не умеет выдыхать. Поэтому строго придерживайтесь правил: три шага — вдох, три шага — выдох. Надо привыкнуть выдыхать воздух так, чтобы в легких его почти не оставалось; тогда улучшится вентиляция легких. Помните: на тренировке надо дышать через нос. Старайтесь по утрам делать дыхательную гимнастику.

Нам нужен человек, умеющий хорошо ходить не только в спортивном костюме, но и, что прежде всего, в походном снаряжении: в эластичном мешком, винтовкой, гранатой, противотанком. Конечно, человек, умеющий хорошо ходить без груза, больше и быстрее другого пройдет с грузом. И все же надо постоянно тренироваться в ходьбе с грузом, все время повышая нагрузку.

ОБЩЕВОЙСКОВОЙ БОИ

Научившись быстро передвигаться с грузом, вы натренируете мускулатуру корпуса и одновременно принавыкете правильно пригнать снаряжение.

Если вы занимаетесь спортивной гимнастикой (гимна, брусья, кольца) и метаете гранаты, колья, яра,—это очень хорошо, лучшего и пожелать нельзя. Значит, у вас будет крепкий и сильный плечевой пояс, так нужный бойцу.

Каждый переход или тренировка раздвигает на три этапа: первый этап уходит около часа. Тело постепенно разогревается, прихватывает к грузу, организм втягивается и привыкает к персональному темпу ходьбы. В начале перехода надо идти на полную силу, а медленно. Через тридцать минут после выхода сделать короткий привал на три—четыре минуты, чтобы привести в порядок организм и снаряжение.

Второй этап перехода проводится в полную силу заранее намеченным темпом, который довольно легко определить по количеству шагов в минуту.

Несколько слов об одном явлении, называемом у спортсменов волевым дыханием, или мертвой точкой. У пешехода, особенно мало тренированного, иногда возникает явление, которое увеличивается усталость. Ноги словно наливаются свинцом, дышать становится нелегко, хочется пить. Вы начинаете чувствовать, что никогда в жизни вам не закончить дистанции; хочется броситься назад и долго-долго лежать. Но пусть это вас не смущает. Такое состояние длится всего несколько десятков секунд, и как только вы заставите себя преодолеть «мертвую точку», сразу наступит «второе дыхание». Усталость проходит, появляется хорошее, глубокое дыхание, движенье снова легко, и даже хочется ускорить шаг. Чем лучше пешеход тренирован, тем позже у него наступит «мертвая точка» и тем быстрее она пройдет.

При длительном переходе очень важен питьевой и питательный режим. Тренируя выносливость, надо сознательно ограничивать еду и питье в походе, привыкая обходиться запасками, имеющимися в организации. Помните, что говорил Михаил Иванович Калинин в своей речи на собрании комсомольского актива города Кубышевца: он советовал идти в поход с одним сухариком и бутылкой воды. Неужели правда, так плохо переносит сердце. Это скандалится и на самочувствии и на скорости. Один—два глотка воды на привале—вот и все, что может повлиять себе наощущение.

Нет нужды говорить о том, что тренироваться надо при любой температуре и в любую погоду; и в зной и в дождь,—заклятая организмом, привыкая к лишениям походной жизни.

Помните о ногах! Суворов сказал в своей книге «Наука побеждать»: «Победа зависит от ног, а путь только победит». От того, как вы следите за своими ногами, в немалой степени зависит, будете вы легко и быстро ходить или нет. При любой переходе одна складка на портяне может вывести бойца из строя. Учиться правильно обуваться, держать ноги в чистоте, чисте мойте их, регулярно обрезайте ногти, вовремя меняйте носки и портянки. Если вы идете в дальний поход и вместе с возможностью на привале разуться, вымыть ноги, надеть свежие портянки или носки,—обязательно сделайте это. Смазывать обувь специальными мази, чтобы она была мягкой и водонепроницаемой. В складках вашей топки не должно быть никаких стигвающихся узлов и складок.

Тренировка должна быть регулярной, систематической. Только при этом условии она даст ощутительные результаты.

Посоветуйтесь с любимым инструктором физкультуры, составьте план тренировки — и в добрый час.

Учитесь ходить, товарищи! Ходите чаще и больше!

Потом, на войне, во время длительных маршей, вы с благодарностью вспомните часы тренировок.

Бой—это организованная вооруженная борьба, объединенная общей целью и взаимными действиями живой силы и материальных средств врага. Бой—единственное средство, которым достигается победа на войне.

В современном общевойсковом бою участвуют, тесно взаимодействуя между собой, пехота, артиллерия, танки, авиация, инженерные средства. Их усилия сливаются в один общий удар.

Формы ведения боя различны. Основные из них—наступление и оборона. В процессе боя одна форма боя переходит в другую или взаимно дополняют одна другую. Например наступление переходит в преследование или в оборону, оборона—в наступление или в выход из боя и отход для перестроившейся сил и организации боя в более выгодных условиях.

НАСТУПЛЕНИЕ

Самый активный вид боя. Только решительно наступление на главном направлении, завершаемое окружением и неотступным преследованием, приводит к полному уничтожению сил и средств врага.

Всегда быть одинаково сильным нельзя. Поэтому подготавливая часть сил и средств наступающего, используются там, где предвидается главный удар. На второстепенном или направленных в наступлении сторонах стремятся предельно сэкономить силы противника.

Наступательный бой может принять различные формы—прорыв, охват, или обход. Находясь своим отрядами или группами в тылу или обход флангов обороняющегося противника, выход ему в тыл. И в том и другом случаях некоторая часть сил наступающего атакует с фронта, оттягивая внимание противника на себя, а основные силы ведут прорыв и обход противника, когда у противника обнаружен открытый фланг (фланги). Красная Армия широко использует эти формы боя в своих наступательных операциях против немцев. Наши войска смело вытесняют врага во фланги, выходят в тыл его узлов соприкосновения.

Если открытых флангов у противника не обнаружено, наступающая сторона первым ударом достигает вражескую оборону. Прорыв достигается согласованными действиями пехоты, артиллерии и танков при поддержке авиации. Большая роль принадлежит здесь артиллерии. Только она своим огнем способна сокрушить современную оборону. Поэтому вместе с наступлением пехоты ведется артиллерийское наступление. Суть его состоит в том, что артиллерия непрерывно будит прорывающуюся взаимодействием пехоты, артиллерии, танков и авиации. Роль разведки в обеспечении успеха прорыва огромна. Она должна установить местонахождение огневых точек, характер укреплений и заграждений, выявить наиболее уязвимые места в обороне противника. Действовать вслепую—значит заранее обрекать себя на неудачу и излишние потери. Только хорошо организованная и проследившая разведка позволяет наступать действительно распределять свои силы и средства.

Силы наступающей стороны состоят из ударной и скользящей групп и резерва. Ударная группа предназначается для нанесения главного удара. Она составляет самую большую часть сил и средств. Скользящая группа наступает на второстепенном направлении. Своими действиями она отвлекает на себя часть сил врага и не позволяет ему сосредоточить все усилия для отвлечения наступательной ударной группы. Резерв выделяется для развития успеха и выполнения во-

вых задач, которые могут возникнуть, в ходе боя. Современный бой требует непрерывного нарастания силы удара атакуемых частей, поэтому наступающие части состоят из нескольких (батарей—отряд) звеньев, следующих одна за другой.

В наступательном бою можно различить следующие этапы действий пехоты: обложение, собственно наступление, атака переднего края обороны и бой а ее глубине, преследование противника.

В период обложения основная задача пехоты—скрытно и быстро занять уязвимый рубеж или район ввиду того, насколько будет зависеть уже в боевых порядках.

Наступление начинается с момента, когда пехота развертывается в боевые порядки и постепенно входит в действие свои огневые средства. Пехота должна атаковать решительно и с наименьшими потерями продвигаться вперед, для выхода на рубеж атаки. Пехотинцы применяются к местности, производят перебежки, переползания. Движение пехоты привирает артиллерии. Рубеж атаки в зависимости от обстановки (местности, огня, препятствий) выбирается возможно ближе к позициям врага, чтобы отсюда можно было бы атаковать и прорваться вперед.

После выхода фронта пехоты максимально усиливает огонь. Действующие совместно с пехотой танки, выдвигаясь со своих исходных позиций, обходят ее, вырываются в передний край обороны и подпадают вражеские огневые точки. К этому моменту основная масса артиллерии наступающего переносит свой огонь с переднего края в глубину оборонительных позиций противника. Боезд за танками переходит в атаку и пехоты. Пехотинцы гранатами, пистолками и стрельбой а утир быстро ошанют от уцелевших неприятельских солдат заграженные окопы, убежища и холм соприкосновения. Затем, на охватывая танки, они начинают атаковать с тыла следующие объекты обороны и уничтожая их. То, что захватывают танки, охват немедленно закрепляет за собой. Она решительно отбрасывает назад и уничтожает оставшиеся силы отряда непрерывно поддерживает действия пехоты и танков. Бой ведется безостановочно до тех пор, пока вражеская оборона не будет преодолена на всю глубину. При отходе пехоты и танков в тыл вражеской обороны прорывают его и добиваются полного уничтожения.

ОБОРОНА

Первое должно выдержать вражда для сосредоточения и перестроившей сил и средств для последующего перехода в наступление. Иногда требуется отвести противника на второстепенном направлении или отбросить силы в средства на данном направлении, чтобы достичь предельного артобстрела на другом, решающем направлении. Наконец, необходимо удерживать за собой особо важные районы и объекты. Во всех этих случаях прибегают к обороне.

В зависимости от задач, сил, средств в местности оборона может быть жесткой или подвижной (маневренной). Цель жесткой обороны—удержать определенную местность, объект, участок местности, а также инициативу ее поражения. Это достигается сопоставлением в сочетании с решительными контратаками. Задача подвижной обороны—выиграть время, ослабить противника и сохранить свои силы, чтобы быть готовым к наступлению.

Сила обороны зависит от стойкости обороняющихся войск, системы огня, решительности контратак, от израсходованности местности и от инженерных сооружений. Оборона противостоит массовой атаке танков и пехоты противника, ведущих наступление при мощной поддержке артиллерии и авиации. Поэтому оборона должна быть глубокой, иметь несколько ступеней атаки, иметь резервы и препятствий против танков и пехоты. Современные огневые и инженерно-технические средства позволяют быстро создавать такую оборону.

В порядке стрелковой дивизии и полка в обороне состоит из скользящей и ударной групп и иногда—из резерва. Назначение скользящей группы—прочно удерживать дивизию. В полку, отряте или рбком состоит из ударной группы, резерва и скользящей части сил и средств. Малая группа прота-

ПАРТИЗАНСКИЕ ПЕСНИ

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Партизан Неуловимый

Едет по земле родимой,
Занятый врагами,
Партизан Неуловимый
С верными друзьями.
Он оставил сад и хату,
Сел на полукровку,
Призвал к седлу гранату,
В руки взял винтовку.

Где советские колхозы
Севяли и жали,—
Вражьи двигатели обозы,
Танки зарычали.
Где веселые дачата
Песни распевали,—
Вражьи выстрелы раскаты
Смертью прозвучали.

Налетайте, партизаны,
Бейте, не жалейте,
Чтоб фашистский дух проклятый
По ветру развевать!
На шоссе горят машины,
Танки запылали:
Это дети Украины
На врага напали.
Налетели и истребля
За огнем и дымом.
И осталось только песня
О Неуловимом.

Песня шопотом

Оружиям синие туманы
Наш десок, походное жилье,
Запоете лесно, партизаны,
Чтоб друзья услышали ее,
Пусть на небе звезды светят ярко,
Я гадать не стану о судьбе,
Что грустнись ты, Оля, партизанка,
Или Киев вспомнилась тебе?

Не грусти, куда вернемся вскоре,
Погодим около Днепра.
Отогнем врагу за кровь и горе,
И настает славная пора.
Весь недаром «Мстителям» зовется
Наш отряд, пристанье мое.
Эта песня шопотом поется,
Чтоб враги не слышали ее.

Самолет летит с востока

Самолет летит высоко,
Самолет летит с востока
По тревожному пути.
Здравствуй, сокол быстрокрылый,
Опустись, товарищ милый,
Над родными тополлями.
Низко-низко пролети.
Самолет спустился низко,
Внизу звезды близко-близко,
Детвора бежит из хат.

Не пройдет еще минуты,
Замелькают парашюты,
За деревню, на поляну,
К ним гостицы полетят.
— Это нам придет от брата,
Не забыли нас, ребята,
Скоро армия придет!
Дети волевой Украины
Со своей Московской славы,
В их глазах сияет весело,
Где советский самолет.

Над равниной печальной
Пролетел разведчик дальний —
Стало сердцу веселей,
Мчит он вестником свободы,
Видит нашей земли аскады,
Видит он друзей и братьев
У высоких тополей.
Передай, что мы воюем,
Не сдаемся, не горюем,
Бьем непрошенных гостей,
Поджигаем вражьи танки,
Партизаны, партизаны
Боевой верны присяге—
Дети родины своей.

становится второй линией и располагается за скользящей группой. Ее задача — контратакой уничтожить прорвавшегося противника или приостановить его наступление, обороняться на подготовленном рубеже.

Развитая оборона обычно состоит из полосы обеспечения, позиции боевого охранения, главной полосы обороны, второй оборонительной полосы.

Полосу обеспечения (грядолье) создают, чтобы задержать наступающего противника измотать его силы, выиграть время. Полоса обеспечения состоит из передовых и промежуточных позиций, усиленных инженерными заграждениями. Ее обороняют специально выделенные отряды, которые действуют по методу подвижной обороны. Внешняя граница этой полосы выносится на двенадцать — пятнадцать и более километров от переднего края главной полосы обороны.

Позиция боевого охранения выдвигается на один—три километра от переднего края главной полосы обороны. Она предупреждает возможное нападение противника, затрудняет противнику на малом расстоянии скрывать от врага действительное расположение переднего края обороны.

Главная полоса обороны служит для организации на ней решающего отпора врагу. Здесь сосредоточены основные силы и средства обороняющегося соединения. Передний край главной полосы обороны — основной рубеж сопротивления. Подступы к нему прикрываются системой заградительного огня, инженерными заграждениями и противотанковыми препятствиями.

Вторая оборонительная полоса создается в тылу главной. Она прерывает путь прорвавшихся танкам и другим подвижным частям противника, останавливает распространение прорвавшегося врага, а также служит исходным рубежом для контратак.

ВСТРЕЧНЫЙ БОЙ

Он завязывается в результате столкновения сторон, равномерно ведущих наступление. Вовремя, следовательно на малом, так называемом маршевом непосредственно переходит в боевые, и наступление ведется без особой подготовки.

Для встречного боя характерны быстро меняющаяся обстановка и быстротечность боевых действий. Успех боя зависит от своевременного принятого решения и немедленной атаки противника. От всех командиров во встречном бою требуются смелость, дерзость и решительность действий. Командир должен подчинять себе всю армию противника.

Во встречном бою очень важно опередить противника в развёртывании сил, открытии огня и переходе в атаку. Вот почему борьба за захват инициативы начинается еще до столкновения боевых колонн.

Встречный бой ведется на окружение и уничтожение врага путем разгрома его по частям. Он завязывается с дальних дистанций с тем, чтобы расстроить боевые порядки противника еще на подходе, раньше, чем он успевает в бой. Это достигается за счет заранее определенных действий авиации. Она атакует колонны противника, расстреливает его движенье, ослабляет боеготовность, нарушает связь с тылом, выводит из строя вражескую артиллерию.

Повторные атаки авиации готовят разгром противника по частям.

Танковые части выбрасываются вперед и атакуют вражеские колонны в главном направлении. Когда наступает в бой общевойсковое соединение, танки продолжают действовать вместе с ним.

Дальнотанковая артиллерия открывает огонь, поражая и задерживая колонны противника, особенно при прохождении теснины.

Ответственный редактор — Д. В. ПОСТНИКОВ.

Зам. ответственного редактора — Ю. А. ЭШМАН.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.
4-50934. Подписано в печать 10/VI—42 г.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Изд. № 552. Формат 72×110 см. 3 ц. п. № в г. л. 98 000. Зап. 1485. Тираж 60 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ЦЕНА 1 РУБ.

182

26 АРГ 1942